

С. 2
Владыка Иннокентий (Тихонов) стал небесным покровителем Винницы
Один из основателей и руководителей Александро-Невского братства, закончивший свой земной путь в Виннице, признан общецерковным святым Украинской православной церкви и вошёл в состав Собора Винницких святых

С. 4
Вопрос остаётся открытым
Уже много лет мы никак не можем ответить на вопросы: какую Россию мы хотим построить? чьи мы наследники? где наши корни? к какому небу протягиваем свои ветви, какого неба хотим достичь?.. Об этом и о многом другом размышляли участники встречи братства «Сретение» с Н.Д. Солженицыной

С. 8
Это было чудом
В этом номере материалы из истории Преображенского братства рассказывают о событиях 1995–1996 годов: первых больших братских паломничествах в Псков и Новгород и приобретении помещений для Свято-Филаретовского института

Приложение «Открытая встреча»
Материалы приложения заканчивают цикл свидетельств очевидцев, посвящённый истории Великой Отечественной войны. Фрагмент из рассказа Евгения Носова «Красное вино победы» и запись из дневника Н.С. Покровской рассказывают об одном и том же дне – 9 мая 1945 года

Тема номера Оглашение – дело соборное

Как узнать, что можно сокращать во время катехизации, а чего нельзя

Интервью с ректором СФИ профессором священником Георгием Кочетковым

На огласительной встрече. 2014 год

Как-то в интервью Вы говорили, что у нас в братстве практикуется совсем не длительная катехизация, а нормальная, традиционная, святоотеческая.
Конечно. И даже очень сжатая.

Тем не менее в нашей братской системе катехизации разные этапы появлялись постепенно, время её прохождения увеличивалось естественно. Насколько оправданно учить других катехизаторов, которые только начинают оглашать, сразу такой развёрнутой катехизации? Может быть, им нужно постепенно достигать того, к чему они придут естественно?

Я думаю, что каждый раз изобретать колесо всё-таки бесполезно. Если оно когда-то кем-то изобретено, пусть работает. Во всяком случае, каждый человек должен знать норму. А нормой является святоотеческое, евангельское, общецерковное предание. То, что поэтапная многолетняя катехизация является такой нормой, теперь можно даже доказать, хотя ещё не так давно в этом сомневались – просто потому, что не знали традиции

церкви, существовавшей на протяжении многих веков её жизни в разных местах.

Конечно, мы всегда учитываем, что и священники, и катехизаторы из мирян не сразу «набирают обороты». Так происходит со всеми, и иногда можно сделать какие-то сокращения, упрощения – но надо чётко знать, чего мы хотим во время катехизации достичь, и понимать, что можно сокращать, а чего нельзя.

Мы знаем, что значит благословение Божье во время оглашения. Катехизация неслучайно сравнивается нами с богослужением. Она действительно священнослужение. И катехизатор всегда иерархическое лицо по отношению к оглашаемому – вспомним хотя бы учение Псевдо-Дионисия Ареопагита, которое он изложил в своей замечательной книге «О церковной иерархии». Поэтому оглашение и нельзя сокращать произвольно – ведь не делаем же мы этого с богослужением лишь потому, что священник, скажем, только-только рукоположен и ещё не знает службы. Это же не основание для того, чтобы сказать: нет, он не будет служить согласно с преданием, а просто сделает что может, что умеет. Так рассуждать никто не будет. Мне кажется, это хорошая параллель.

Окончание на с. 6

К оглашению имели непосредственное отношение не только священники и миряне, но и епископы

Интервью с проректором СФИ Д.С. Гасакм

В анонсе конференции говорится, что она подведёт итоги предыдущих конференций по традиции святоотеческой катехизации. Но сама она гораздо более «практическая» и по теме, и по форме. Нет ли здесь противоречия?

Видите ли, тематику всех предыдущих конференций мы старались разрабатывать последовательно. Если немного оглянуться назад, то мы увидим эту последовательность: вначале обзор и катехизической традиции, и проблем её возрождения в целом, затем – критерии оглашения современных катехуменов, далее – проблемы подготовки катехизаторов, основной этап оглашения (просвещение) и, наконец, тема человека на основном этапе. С другой стороны, внимательный человек заметит, что тематика конференций развивалась не из теоретической катехетики, а из практики современной церковной катехизации. Это очень важно. Дело в том, что обсуждение вопросов катехетики даёт неограниченные возможности для углубления во всех направлениях богословской проблематики: библистики и литургики, догматики и антропологии и т. д. Обсуждать это чрезвычайно интересно. На конференциях и в прошлом, и в позапрошлом году мы обсуждали катехизические, пастырские и богословские вопросы этапа просвещения. И можно провести ещё десяток таких конференций: каждая тема второго этапа

оглашения этого заслуживает. А ведь есть ещё таинствоводство. Но обсудив с участниками итоги и проанализировав современную ситуацию в этом направлении церковного служения, мы отдали предпочтение не тем вопросам, которые интересуют большей частью небольшой круг церковнослужителей, а тем, которые актуальны для всех, ведущих оглашение современных взрослых людей в разных регионах нашей страны. Таким образом, мы стараемся ориентироваться на современные церковные нужды. Это сегодня важнее. Если богословская мысль отрывается от жизненных реалий – цена её невелика. Поэтому мы собираемся обсуждать прежде всего практические вопросы сегодняшнего дня. Конечно, всякий живой диалог рождает новые мысли, открывает новые проблемы. Слава Богу! Я не вижу здесь ни малейшего противоречия.

Как Вам кажется, возрождается ли общение между членами Церкви не только во время катехизации, но и при заинтересованном, ответственном обсуждении проблем катехизации?

Это важнейшая практическая цель конференции. Катехизация – дело церковное, соборное, общее наше дело и ответственность. В нормальном случае к оглашению должны иметь непосредственное отношение не только священники и миряне, но и епископы, чему мы находим прямое подтверждение в святоотеческом опыте.

Продолжение на с. 6

Закрывать не смогли

Несколько пожилых монахинь из глухой деревни своей тихой общинной жизнью наводили ужас на органы НКВД

История этого женского монастыря начиналась обычно для дореволюционного времени. В 1914 году во Введенском Сирбишинском¹ монастыре (Екатеринбургский уезд) проживали 1 монахиня (мать Валерия) и 43 послушницы. Намного интереснее его история в трудном XX веке. После революции органы советской власти закрывали монастырь трижды: в 1918, в 1924 и в 1928-м, но он просуществовал до 1940-х гг., а результаты жизни и деятельности этих монахинь ощущаются в уральской церкви до сих пор.

В 1918 году обитель была закрыта в первый раз. Домовая церковь получила статус приходской, но монахини продолжали свою службу по монастырскому уставу. С 1918 по 1924 год они не оставляют общую жизнь, объединяются группами по 3–5 человек и проживают в Верх-Нейвинске, Нейво-Рудянке, Кировграде, Верхнем Тагиле, Нижнем Тагиле, Невьянске, Свердловске, остаются и в Сирбишине. В 1928 году обитель опять насильно закрывают. Насельницам запрещается посещать приходскую церковь в монашеском одеянии, «чтобы не пугать детей».

Описание жизни общины в 1930 году осталось в многотомном деле «Историческая гниль», в протоколах допроса архимандрита Ксенофонта (Медведева). Женская монашеская сирбишинская община стала для него своего рода духовным санаторием после отбывания им ссылки и заключения и, несомненно, сыграла важную роль в его духовном восстановлении после 5 лет

тяжких испытаний. «Я после ссылки хотел совсем прекратить службу. Но по распоряжению Епископа Евсия Шадринского, который мне прислал бумажку, что я назначаюсь временно исполняющим пастырские обязанности в с. Бродовском Петро-Каменского района Тагильского округа, куда я и выехал 1 января 31 года. ...После этого я поехал в дер. Сирбишино, что в 12 верстах от Бродского и там с месяц находился в быв(шей) женской общине, т. е. начинающемся монастыре, который был в то время запрещен, но там жило человек 20 монашек около церкви в сторожке и 2-х домах. Монашки обслуживали церковь, находящуюся в ведении приходской общины, и вот то у них я жил недели три, когда мне представители общины села Бродского принесли от епископа Евсия назначение на Бродский приход. Общину монашек я покинул 18 декабря, но связи с этой общиной я не терял и был у них раз пять... Знаю, что десять человек из монашек работали на лесозаготовках, а остальные или больные или же нетрудоспособные, занимаются рукоделиями и содержатся за счёт работающих.»

Окончание на с. 5

Слева – одна из сирбишинских монахинь младшего поколения Елизавета (фамилия неизвестна)

Память

Владыка Иннокентий (Тихонов) стал небесным покровителем Винницы

Один из основателей и руководителей Александро-Невского братства, закончивший свой земной путь в Виннице, признан общецерковным святым Украинской православной церкви и вошёл в состав Собора Винницких святых с титулом архиепископа Винницкого. Четвёртая часть земной жизни архиепископа Иннокентия (Тихонова) прошла в тюрьмах, лагерях и ссылках, однако и оттуда он вдохновлял и поддерживал в письмах своих духовных чад, братьев и сестёр. В возрасте 48 лет, будучи правящим архиереем Винницкой епархии, владыка принял мученическую кончину – 29 ноября 1937 года он был расстрелян по приговору НКВД. Согласно решениям Священного Синода УПЦ от 1 апреля сего года, день памяти владыки установлен 29 ноября по новому стилю.

Борьба с раскольниками, «Русская Голгофа» и другие лагеря

Священномученик Иннокентий (Тихонов) принял монашеский постриг в 23 года в Александро-Невской лавре. С началом Первой мировой войны был духовником больных и раненых, позже – полковым священником Терского казачьего полка. Окончив духовную академию со степенью кандидата богословия и Петроградский археологический институт, занимался изучением церковной истории. Стал основателем Александро-Невского братства и сподвижником священномученика Вениамина, митрополита Петроградского.

Владыка Иннокентий активно выступал против раскольников-обновленцев.

В годы гонений на церковь архиепископ Иннокентий был правящим архиереем четырёх епархий и членом епископского совета Русской православной церкви.

С 1922 года владыка по несколько лет находился в ссылке в Архангельской губернии, Туркестане, отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения, который в народе прозвали «Русская Голгофа», а также в Беломорско-Балтийском ИТЛ.

Обвинение в контрреволюционной деятельности, тюрьма, расстрел

В 1937 году архиепископ Иннокентий получил назначение на Харьковскую кафедру, чуть позже стал архиепископом Винницким. На территории Винницкой области тогда действовало около 120 храмов, принадлежавших канонической церкви. Несколько месяцев владыка защищал вверенную ему паству от посягательств раскольников, стараясь сохранить в единстве Православную церковь. «Особо тяжёлым ударом по всему священству Украины стал приказ народного комиссара внутренних дел СССР Израила Моисеевича Леплевского на проведение в сжатые сроки широкой операции с целью «решительного разгрома церковно-сектантских контрреволюционных кадров», – пишет церковный историк Ростислав Моцпан. – 28 октября 1937 года владыку Иннокентия с большей частью винницкого духовенства арестовали».

Архиепископ обвинялся в контрреволюционной деятельности, и «13 ноября в отношении него был проведен первый и единственный допрос. Архиепископ не назвал ни одной фамилии, отрицал обвинения, не соглашался со свидетельствами и ни в какие переговоры со следователем не вступал».

По приговору Винницкого НКВД архиепископ Иннокентий был расстрелян

29 ноября 1937 года в полночь. В центре Винницы, во дворе НКВД, людей тогда расстреливали тысячами и хоронили тайно в братских могилах.

«Тело владыки опознано по протоколу обыска и выписке найденных вещей»

В 1943 году в Виннице проходили раскопки могил жертв репрессий. Было найдено 9432 тела, из которых 679 человек смогли идентифицировать по документам, обнаруженным при телах, и каким-то вещам и приметам, которые узнавали их родные и близкие, – рассказывает руководитель исторического отдела Винницкой епархии иерей Назарий Давидовский. – Тело владыки опознано по протоколу обыска и выписке найденных вещей.

Как рассказал о. Назарий, немецкие оккупанты тела найденных людей перезахоронили на территории центрального кладбища и создали там мемориал: «Тело владыки Иннокентия почитает в братской могиле. Согласно архивным данным, это семь больших и длинных могил, которые теперь нельзя найти, потому что после окончания войны советская власть все это уничтожила».

Письма, документы, свидетели

Отцу Назарию Давидовскому понадобилось шесть лет, чтобы собрать документы по пребыванию владыки Иннокентия на Винницкой кафедре, его духовному наследию и мученической кончине на винницкой земле. Как рассказал о. Назарий, география его поисков расширилась от Санкт-Петербурга и Москвы до США и Австралии.

Например, удалось найти свидетеля раскопок в 1943 году – он был сыном винницкого священника. Сейчас Георгию Кишковскому 88 лет, он проживает в Австралии.

В результате многолетних трудов о. Назария и всего исторического отдела Винницкая епархия подала прошение на рассмотрение Священным Синодом УПЦ возможности установления отдельного дня памяти владыки Иннокентия как архиепископа Винницкого.

«В прошении на Синод мы указали, что найдены документы, подтверждающие служение владыки Иннокентия в Винницкой епархии, его расстрел и перезахоронение. Ещё сохранились письма из Хмельника, которые владыка писал своим духовным детям, – говорит о. Назарий Давидовский. – Теперь, когда Церковь установила отдельный день памяти священномученика Иннокентия (Тихонова), архиепископа Винницкого, у нас есть в полной мере свой святой – покровитель Винницы, нашей епархии и области в целом».

Уже в этом году, в Неделю Торжества Православия, в ряде храмов Винницкой епархии был совершён особый «Чин моления о святых иконах», написанный священномучеником Иннокентием в 1922 году в Петрограде. Православные винничане с большим воодушевлением восприняли совершение этого чина – многие плакали и говорили, что чувства у них – как на Пасху.

По материалам сайта «Православная жизнь»

В Москве открыта мемориальная доска в память о святителе Тихоне, патриархе Всероссийском

Доска установлена в непосредственной близости от Зачатьевского ставропигиального монастыря на доме по ул. Остоженка, 17–19. Здесь находилась клиника Бакуниных, в которой провёл последние месяцы своей жизни святитель Тихон и где он отошёл к Господу 90 лет назад в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля 1925 года.

Лечебница Бакуниных была одним из лучших медицинских учреждений Москвы и одна из немногих частных больниц, ещё оставшихся в 1920-е годы. Другие клиники побоялись принять на лечение опального патриарха: это было чревато закрытием больницы (что и случилось с клиникой Бакуниных уже через год).

Как впоследствии вспоминала Эмилия Бакунина, «Положение Патриарха стало серьезным после того, как в Донском монастыре, в одной из комнат отведенного ему помещения, неизвестными лицами был убит его келейник, как говорили, по ошибке – вместо самого Патриарха. Патриарх ещё не был очень старым, в нашей лечебнице ему исполнилось шестьдесят лет, но жизнь в постоянной тревоге, домашний арест в монастыре, которому он был подвергнут, и в особенности толпа посетителей, от-

Издание Преображенского содружества малых православных братств

казывать которым в приеме он не хотел и не мог, тяжело отзывались на его сердечной болезни. Было важно создать часы обязательного отдыха, который был ему необходим, и подвергнуть внимательному наблюдению и лечению, которое единственно могло продлить его жизнь. Кроме давнего хронического воспаления почек, за последнее время у него появились припадки грудной жабы, особенно учащавшиеся после происшедшего у него на глазах убийства».

Финансирование изготовления и установки памятной доски было осуществлено по просьбе Зачатьевского ставропигиального женского монастыря компаниями «Ферро-строй» и ЗАО «Остоженка, 19», которые в настоящее время арендуют здание 17–19 по ул. Остоженка у города Москвы. На памятном барельефе изображён святитель Тихон, держащий в руках икону Благовещения Пресвятой Богородицы. Этот сюжет имеет под собой историческую основу, поскольку за три месяца до преставления святителя сестры монастыря передали ему именно этот святой образ.

В завершение праздника представитель правительства Москвы заверил, что столичное правительство было, есть и остаётся первым помощником церкви и священнослужителям в восстановлении памяти новомучеников.

По материалам сайта Патриархия.ру

Сопrotивление и покорность

Исполнилось 70 лет со дня казни Дитриха Бонхёффера

Смерть – это ад, холод и тьма, если наша вера не преобразит её, но в том-то и чудо, что мы можем преобразить смерть. Дитрих Бонхёффер Проповедь в Лондоне, ноябрь 1933 г. *

На 8 апреля 1945 года приходилось первое послепахальное воскресенье, и менее чем за сутки до того, как покинуть этот свет, Бонхёффер по просьбе остальных заключённых в последний раз исполнил обязанности пастора.

Он провёл службу в залитом ярким солнцем помещении шёнбергской школы, которая использовалась как тюремная камера, читал молитвы и библейские тексты на этот день: «Ранами Его мы исцелились» (Ис 53:5) и «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мёртвых к упованию живому» (1 Петр 1:3). Затем он растолковал эти стихи всем присутствовавшим. Бест вспоминал, что Бонхёффер «подбирал слова, находившие доступ к сердцу каждого из нас, он выражал дух нашего заточения и те мысли и решения, что родились в нем... Едва он закончил последнюю молитву, как дверь открылась, вошли два неприятных с виду гражданских и распорядились: “Заключённый Бонхёффер! Проготовьтесь следовать за нами”. Эти слова, как было известно всем заключённым, служили приглашением на казнь. Мы простились с ним, он отвел меня в сторону. “Это ко-

нец, – сказал он. – А для меня – начало новой жизни”».

Спустя годы врач лагеря Флоссенбург так описал последние минуты жизни Бонхёффера: «Утром того дня, между пятью и шестью часами, заключённых вывели из камер и зачитали им приговор военного трибунала. Сквозь полуоткрытую дверь я видел, как пастор Бонхёффер преклонял колени на полу и пылко молился Богу. ...На месте казни он прочел ещё одну короткую молитву и поднялся по ступеням эшафота храбро и без колебаний. Через несколько мгновений наступила смерть. За без малого полвека медицинской работы я не видел, чтобы человек шел на смерть со столь безусловной покорностью воле Божией».

Лагерный крематорий уже не работал, поэтому тела повешенных сожгли на костре, и в этом Бонхёффер разделит участь миллионов жертв Третьего рейха.

Из книги Эрика Метакаса «Праведник мира против Третьего рейха»

* Позже, в 1939 году, он вновь посетил Лондон (а ныне в Вестминстерском аббатстве его статуя стоит среди статуй других мучеников XX века) и затем Нью-Йорк; друзья уговаривали его остаться. В ответ он – один из организаторов преследуемой в фашистской Германии Исповедующей церкви – сказал: «Я должен пережить этот сложный период нашей национальной истории вместе со своим народом, вместе с христианами в Германии. У меня не будет права участвовать в возрождении христианской жизни после войны, если я не разделю с моим народом испытания этого времени».

gazetakifa.ru

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);

в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание»;

тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55

(Александра Ошарина), +7-965-146-14-56

(Анна Гринман), +7-965-128-15-07

(Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: +7-963-316-3981

(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,

в интернет-магазине voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391

(Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305

(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 26 апреля 2015 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 28 апреля 2015 г.

Церковь и общество

Патриарх Кирилл: «Церковь не может обслуживать политические интересы»

Церковь не может обслуживать политические интересы. В противном случае она перестаёт соответствовать своему предназначению, констатировал Святейший Патриарх Кирилл в проповеди, произнесённой в праздник Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье) в храме Христа Спасителя в Москве.

«Церковь служит тем целям, которые дают людям полноту жизни как здесь, на земле, так и в вечности, — отметил Первосвященник, — а потому, когда Церковь начинает обслуживать политические интересы, идеологические моды и пристрастия века сего, когда Церковь начинает своё учение трансформировать в угоду популярной в данный момент человеческой мысли, она сходит с того кроткого молодого осла, на котором ехал Спаситель, и пытается взобраться на коня победителя, на котором римские триумфаторы, возвращаясь после побед, гордо восседали, показывая свою человеческую силу собравшемуся народу».

Те, кто связывает с Церковью политические надежды, уподобляются иерусалимской толпе, видевшей в Иисусе политического лидера, который освободит Израиль из-под власти римлян, и испытавшей страшное разочарование после ареста и поругания Спасителя. «Как Христос не ответил на те рукоплескания толпы, зная им цену, так и Церковь не должна удручаться тем,

что в какой-то момент её популярность среди тех, кто с Церковью связывает достижения человеческих побед и результатов, перестают ей рукоплескать и даже отворачиваются от неё, не видя в ней никакой пользы», — подчеркнул Патриарх Кирилл.

Миссия Церкви — в спасении человеческих душ, о чём ещё раз ярко свидетельствует история праздника, заметил предстоятель Русской церкви. «Вход Господень в Иерусалим помогает нам очень многое понять, в том числе и то, чем должна быть Церковь Божия для народа, продолжая великое служение Самого Господа и Спасителя. Мир Божий, который превышает всякое человеческое разумение, да соблюдёт ваши сердца и помышления во Христе Иисусе. Именно на это сохранение Божественного разума в нашем разуме и в наших сердцах должно быть направлено служение Церкви и каждого человека, который искренне, по убеждениям и по вере принимает Господа и Спасителя, смиренно вошедшего в Иерусалим, принявшего поношение от людей и крестную смерть и воскресшего в третий день по Писанию, свидетельствующему о великой силе Божией и в человеческой истории, и в жизни каждого человека», — заключил Патриарх Кирилл.

«Церковный вестник»

Митрополит Иларион предложил поклонникам Сталина «отрезвиться» на Бутовском полигоне

Глава синодального Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион предложил тем, кто испытывает симпатии к Сталину, съездить на Бутовский полигон, чтобы «отрезвиться».

6 апреля в эфире программы «Познер» на Первом канале он напомнил, что в Бутово «каждый день привозили и расстреливали ночью 200, 300, 400 человек». «Я видел списки этих людей, там были шестнадцатилетние, пятнадцатилетние дети. Расстреливали. За что их расстреливали?» — сказал митрополит Иларион.

«На то, что были многомиллионные жертвы, что были репрессии, что был геноцид собственного населения — это всё было — мы не можем закрывать глаза. И не должны», — заявил он.

Справка

В Московском регионе наиболее известны два места массовых захоронений жертв сталинских репрессий — Бутово и «Коммунарка». Бывший стрелковый полигон НКВД в Бутово известен как одно из мест массовых расстрелов и захоронений жертв репрессий в 1930–1950-е годы. Только в период «большого террора», с августа 1937 по октябрь 1938 года, здесь было расстреляно 20 765 человек — в основном жителей Москвы и Подмосковья. Это представители более 70 национальностей, всех вероисповеданий и сословий, но большинство из них — простые рабочие и крестьяне, русские православные люди. Бутовский полигон уникален в России по числу прославленных святых, чьи мощи покоятся в одном месте. К настоящему времени установлены имена около тысячи священнослужителей и мирян, расстрелянных в Бутово, из них несколько сотен человек причислены к лику святых.

По материалам информационного агентства «Интерфакс»

Новости богословского образования

Изображённое слово

Распятие. Изображение с дверей римской базилики Санта-Сабина. V век

9 апреля профессор кафедры философии, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин СФИ канд. пед. наук Александр Михайлович Копировский прочёл открытую лекцию в Санкт-Петербурге, в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. Тема лекции — «Изображённое слово». Этот филологический термин, известный по трудам Михаила Бахтина и Дмитрия Лихачёва, А.М. Копировский применил к иконе.

Он показал, как западные, византийские и древнерусские иконописцы, изображая важнейшие евангельские события, не просто иллюстрировали Священное писание, апокрифы, богослужебную поэзию, древние проповеди и богословские трактаты, и не только соединяли эти источники, а создавали новый, самостоятельный художественный «текст».

Кроме того, в лекции на примере нескольких известных стихотворений Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Иосифа Бродского была показана их связь с иконами на евангельский сюжет.

Софья Андросенко

СФИ провёл межвузовскую конференцию «Социология религии в образовательных программах высшей школы»

Религия — один из ключевых факторов для понимания и исследования общественных процессов. Однако получение социологически точного представления о той загадочной сфере жизни человека, где его вера, его представления о красоте, морали, ценностях и смысле жизни соприкасаются с принятием конкретных повседневных решений, представляет трудность.

Не только в массовом сознании, но и в социологическом сообществе религия до сих пор не воспринимается как сфера общественной жизни, требующая к себе профессионального отношения. Именно с этим в большой степени связана трудность изучения конкретных религиозных сообществ и направлений, исследования влияния религии на поведение людей и развитие общества. Даже содержание таких базовых понятий, как «вера», «религиозность», «православный», часто остаётся для самого исследователя весьма туманным, а при постановке исследовательских задач и интерпретации полученных данных многие социологи отталкиваются от стереотипов, сформированных обыденным сознанием.

30 марта в Свято-Филаретовском институте прошла межвузовская научно-методическая конференция «Социология религии в образовательных программах высшей школы». Участники говорили о концептуальных подходах к преподаванию в вузах социологии религии, о возможном содержании и задачах образовательной программы, потребности в которой созрела в российском обществе и профессиональной религиоведческой среде.

Каков запрос общества на результаты исследований по социологии религии? Решению каких вопросов в сфере взаимодействия государства с религиозными организациями и церковно-общественных отношений могут

помочь квалифицированные специалисты по социологии религии? Какими компетенциями для выполнения этих задач они должны обладать?

Перспективам отношений общественных и религиозных организаций в России и роли социологии религии в них было посвящено выступление религиоведа Андрея Себенцова, канд. филос. наук, действительного государственного советника Российской Федерации первого класса. Анастасия Астахова, канд. социол. наук, преподаватель Высшей школы экономики, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Свято-Филаретовского института, представила доклад о позиционировании образовательной программы по социологии религии в профессиональном сообществе.

О возможном содержании программы по социологии религии говорили заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина д-р социол. наук Михаил Смирнов и декан факультета религиоведения, заведующий кафедрой религиоведения СФИ канд. филос. наук Маргарита Шилкина.

В семинаре также приняли участие первый проректор СФИ Дмитрий Гасак, заведующий кафедрой философии и гуманитарных дисциплин СФИ д-р филос. наук Григорий Гутнер, заведующий кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ Лариса Мусина, заместитель декана социологического факультета МГУ канд. социол. наук Сергей Трофимов, заместитель декана факультета религиоведения СФИ Сергей Щербак, преподаватель СФИ канд. социол. наук Анна Алиева и другие.

Софья Андросенко
Информационная служба СФИ

В Смоленской православной духовной семинарии состоялась VIII международная студенческая конференция «Вера и наука: от конфронтации к диалогу»

Доклад студентов СФИ был отмечен дипломом I степени

Работу конференции открыл ректор СПДС протоиерей Георгий Урбанович. Участников поприветствовал и преподавал архипастырское благословение епископ Смоленский и Вяземский Исидор.

На пленарном заседании прозвучали доклады студента Санкт-Петербургской духовной академии Константина Джусоева «Особенности восприятия христианства на Руси: духовный кенозис (на примере св. страстотерпцев Бориса и Глеба)» и студента Смоленской духовной семинарии Петра Галанюка «“Великий каган” земли русской среди изгнанников XX века: святой Владимир в жизни и трудах русской эмиграции».

В работе секции «Богословско-исторические исследования» приняли

участие представители СФИ. Сергей Чусов рассмотрел содержание понятий «ересь» и «раскол», сравнив их употребление в трудах св. Ирины Лионской и св. Киприана Карфагенского. Автор выявил критерии ересей и расколов, из которых исходили эти отцы, а также сделал выводы по более общим вопросам о нормативном учении церкви и представлении о её границах.

Студент I курса СФИ Михаил Бахадов и студент Богословского колледжа при СФИ Александр Тавризян представили доклад, в котором был обобщен и проанализирован опыт молодёжных миссионерских и просветительских проектов Преображенского братства — одного из крупнейших православных дви-

жений в Русской православной церкви. По итогам конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу доклад был отмечен дипломом I степени.

Также на секциях были представлены доклады, посвящённые современным исследованиям в области богословия, церковной истории, библеистики, миссиологии, религиозной философии, гуманитарных наук.

По окончании академической части конференции участники посетили Смоленский областной драматический театр им. А.С. Грибоедова, где была представлена оратория митрополита Илариона (Алфеева) «Страсти по Матфею».

В конференции приняли участие студенты, магистранты и аспиранты

Московской, Санкт-Петербургской духовных академий, Белорусского государственного университета, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Российского православного университета, Свято-Филаретовского православно-христианского института, Воронежской, Смоленской, Белгородской, Калужской, Курской, Казанской православных духовных семинарий, Смоленского государственного университета, Военной академии Войсковой противовоздушной обороны ВС РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского, МБОУ СОШ № 16 города Смоленска.

Софья Андросенко
Информационная служба СФИ

Вопрос остаётся открытым

Уже много лет мы никак не можем ответить на вопросы: какую Россию мы хотим построить? чьи мы наследники? где наши корни? к какому небу протягиваем свои ветви, какого неба хотим достичь?..

25 лет назад в СССР огромным тиражом в 28 млн экземпляров была напечатана статья А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?»* Но, по свидетельству автора, читатель её тогда так и не понял. Сегодня первые главы книги, посвящённые отношениям между союзными республиками, кажутся безнадежно устаревшими: предчувствия автора уже давно осуществились, а надежды не оправдались. Однако книги Солженицына очень важно дочитывать до конца: там всегда оказывается то, что нужно именно сегодня.

Из статьи А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?»

...За три четверти века так выбедняли мы, засквернели, так устали, так отчаялись, что у многих опускаются руки, и уже кажется: только вмешательство Неба может нас спасти.

Но не посылается Чудо тем, кто не силится ему навстречу.

И судьба наших детей, и наша воля к жизни, и наше тысячелетнее прошлое, и дух ваших предков, перелившийся же как-то в нас, – помогут найти силы преодолеть и это, и это всё.

***

Сегодня у нас горячо обсуждается: какое государственное устройство нам отныне подходит, а какое нет, – а этим, мол, всё и решится. ...Конечно, какая-то определённая политическая форма постепенно будет нами принята, – по нашей полной политической неопытности скорей всего не сразу удачная, не сразу наиболее приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать свой путь. Сейчас у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться, – а только поскорей перенять, «как делается на Западе». Но на Западе делается – ещё ой как по-разному! У каждой страны своя традиция.

...А скажем и так: государственное устройство – второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве – допустим любой добродетельный строй, при людском озлоблении и шкурничестве – невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности – то это проявится при любом строе.

Политическая жизнь – совсем не главный вид жизни человека, политика – совсем не желанное занятие для большинства. Чем размахистей идёт в стране политическая жизнь – тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав человек нуждается отстоять и душу, освободить её для жизни ума и чувств.

***

...Источник силы или бессилия общества – духовный уровень жизни, а уже потом – уровень промышленности. Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие – не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений – основной, чем уровень изобилия. Если в нации иссякли духовные силы – никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет её от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод – на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотрит никакими законами. Чистая атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами.

...Разрушение наших ДУШ за три четверти столетия – вот что самое страшное.

***

...Только тогда Церковь поможет нам в общественном оздоровлении, когда найдёт в себе силы полностью освободиться от ига государства и восстановить ту живую связь с общенародным чувством, которая так ярко светилась даже и в разгаре Семнадцатого года при выборах митрополитов Тихона и Вениамина, при созыве Церковного Собора. Явить бы и теперь, по завету Христа, пример бесстрашия – и не только к государству, но и к обществу, и к жгучим бедам дня, и к себе самой. Воскресительные движения и тут, как во всей остальной жизни, ожидаются – и уже начались – снизу, от рядового священства, от сплочённых приходов, от самоотверженных прихожан.

***

Размеренный выход из полосы наших несчастий, который Россия сумеет или не сумеет теперь осуществить, – трудней, чем было встряхнуться от татарского ига: тогда не был сокрушён самый хребет народа, и не была подорвана в нём христианская вера.

В 1754 году, при Елизавете, Пётр Иванович Шувалов предложил такой удивительный – Проект сбережения народа.

Вот чудак?

А ведь – вот где государственная мудрость.

Июль 1990

* В авторской редакции заголовок заканчивался вопросом, но в печатном варианте вопрос был снят, и чаще всего сейчас название цитируется без него.

В этом мы в очередной раз убедились, когда наша редакция взялась Великим постом читать «Бодался телёнок с дубом». Для кого-то из нас эта книга стала откровением о значительности личности помощника и спутницы автора, Натальи Дмитриевны Солженицыной, а меня поразила словами о необходимости живой связи со своей землёй и её историей, ответственности за то, чтобы освобождение не стало «новым потрошением внутренностей её, сама она хоть пропади» – и о трагическом недостатке этих качеств в демократическом движении. Об этом тогда, сорок лет назад, вправду был сказано только тот, кто находился не вне этого движения и не в меньшей опасности, чем те, кого он упрекал...

В феврале этого года Наталья Дмитриевна Солженицына встретила с православным братством «Сретение». Эта встреча стала совместным размышлением о нашей стране, её истории и будущем, о том, что сегодня нужно ей больше всего.

Дед Натальи Дмитриевны погиб в ГУЛАГе, отец – в первые месяцы Отечественной войны. После школы, в 1956-м, она поступила на механико-математический факультет МГУ. По окончании работала на кафедре у знаменитого академика Колмогорова, который был не только её научным руководителем, но и разделял её интерес к живописи, самиздату, поэзии. Ему она носила подпольного Солженицына, ещё не будучи сама знакома с автором.

Наталья Дмитриевна и на встречу принесла произведения Солженицына. Когда Сергей Смирнов, зам. директора института «Центр развития» при Высшей школе экономики, рассказал о своих молодых сотрудниках, которых никак не может убедить прочитать «Архипелаг ГУЛАГ» (один из них: «Да просто я не интересуюсь историей»), она протянула Сергею диск, на котором Сергей Гармаш читает сокращённую версию «Архипелага»:

– Возьмите, если Ваш сотрудник не может читать, пусть послушает.

Для тех, кто собрался 9 февраля в загородном доме Культурно-просветительского центра «Преображение», произведения Солженицына – не просто история. Это боль о том, что до сих пор трагедия России в XX веке так и не осознана до конца, адекватно не названа, а значит, её последствия не могут быть исправлены.

Главным делом жизни Солженицын считал написание «Красного Колеса», от которого он отвлекался в силу обстоятельств жизни: «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус»... Но никогда его не отпустил главный вопрос: что привело Россию к катастрофе, в какой момент был совершён роковой поворот?

Наталья Дмитриевна рассказывает о том, как много Александру Исаевичу пришлось открыть, пока он писал эти десять томов. Он обращался к документам, мемуарам (Наталья Дмитриевна посоветовала почитать о тех временах воспоминания Фёдора Степуна и Василия Маклакова, работы историка Сергея Мельгунова) и постепенно обнаруживал истоки крушения всё глубже и глубже в истории: 1905-й, 1880-е, 1860-е годы... В каждом времени был свой нерв. 1916 год, канун революции, поражал накалом напряжения и ненависти между властью и обществом – без возможности какого бы то ни было компромисса.

– Нам нужно ответить на основные вопросы: кто мы, куда идём, каков был хребет нашей страны, перешибленный революцией? Мало доносить до людей боль от топора, вонзившегося в ствол нашей истории, – надо понять, что мы хотим сделать, как врачевать. Ещё Чехов говорил, что у русских людей есть великий дар мыслить и веровать, но в конкретных действиях им присуща благодусная лень и трагическая неспособность к самоорганизации. Мы критикуем, хотим изменить настоящее, но к будущему всерьёз не готовимся, не думаем наперёд, как будет устроена жизнь нашей страны – и материальная, и духовная.

До революции были земства – органы местного самоуправления. И хоть государство не допустило высшего и низшего (всероссийского и волостного) земства, но на уровне уездов и губерний оно было. У нас же сегодня нет главного признака демократии: народ не может управлять своей жизнью, а из центра всем управлять в такой огромной стране невозможно. Нам нужна демократия малых пространств, при которой избиратели безошибочно смогут выбрать известных им порядочных людей, уж во всяком случае тех, кто не украдёт.

По мнению Натальи Дмитриевны, спасение образования сейчас становится задачей государственной безопасности. России очень нужны просветительские и образовательные проекты. Участники встречи благодарили Наталью Дмитриевну за те усилия, которые она сама к этому прикладывает, прежде всего за то, что с её помощью в программу школьных экзаменов вернули сочинения: теперь школьникам придётся не просто показывать знание определённых произведений, но и уметь аргументировать свою позицию, анализировать прочитанное. А Владимир Лавренов, директор филиала РГГУ в Твери, передал ей благодарность за это от группы взрослых людей, которые готовятся сознательно и ответственно вступать в Церковь.

Главный редактор газеты «Кифа» Александра Колымагина поделилась тем, как больно читать последние

Н.Д. Солженицына и Д.С. Гасак

главы «Красного Колеса», приходится их откладывать и вновь возвращаться через какое-то время: насколько же больнее было его писать?

– Вы правы. Читать «Красное Колесо» – дело нелёгкое, зато душестроительное. Да ведь без боли вообще ничего не сделаешь – даже камни таскать физически больно. А если не испытывать душевную боль, когда видишь тупость, косность, неблагородство, – шанса на победу не будет. Побеждает только тот, кто готов взять на себя боль. И в церкви сейчас тоже много боли.

Наталья Дмитриевна с благодарностью отозвалась об инициативе Преображенского братства читать вслух в разных городах России 30 октября имена репрессированных советской властью: «Хочется поклониться каждому из тех, кто стоит на морозе и не уходит, читая эти имена. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы это превратилось в ритуал, не наполненный подлинным смыслом. Сейчас ещё прохожие, которые к вам приобщаются, знают о своих пострадавших дедах или прадедах, а через двадцать лет такого личного касания, изнутри своей семьи, в народе уже не останется».

Перед собой Наталья Дмитриевна видит несколько задач. В первую очередь – исполнить завещание Александра Исаевича об издании всех его произведений в последней редакции: пока вышло 18 томов из 30. Она продолжает руководить фондом Солженицына, который помогает бывшим репрессированным – «пенсионерам от «Архипелага»». Судьба многих из них сложилась печально: после 10–15–20 лет лагерей они не обзавелись семьей, не реализовались в профессии, часто не имеют средств на лекарства, а иногда и на нормальную еду. Недавно Натальи Дмитриевне пришлось возгласить Совет при Министерстве образования и науки по вопросам возвращения сочинения как итогового экзамена в выпускных классах.

По мнению отца Георгия Кочеткова, всё это близко тому, чем живёт Преображенское братство, духовным попечителем которого он является:

«Местное самоуправление, о котором Вы говорите, на привычном для нас языке означает общинные начала, только не в церковном, а в общественном смысле. Община может быть не только церковной – она может быть сельскохозяйственной, семейной, профессиональной – самой разной. Но главное – чтобы в обществе существовало это общинное и братское начало. Люди должны относиться с полным уважением к свободе другого человека, к его достоинству, к чести. Именно это разрушалось в XX веке. И если мы хотим, чтобы наша страна не превратилась в набор непонятных территорий с непонятным населением с рабской психологией и жизнью, нам в стране и церкви надо восстанавливать именно общинное и братское начало. Ведь оно дано нам Самим Христом и Его апостолами, и его можно принести всем людям. В нашем братстве мы стараемся по мере сил воплощать его в своей жизни и делиться им с другими».

В течение вечера звучали самые разные вопросы: какого покаяния нам не хватило в 1990-е? Какой исторический пример ответственности общества за страну вдохновляет саму Наталью Дмитриевну? Как ей удавалось преодолевать страхи за близких, за детей, поступаая в жизни так, как она поступала?

Наталья Дмитриевна отвечала просто, говорила о важности личного примера, который всегда убеждает гораздо лучше любых слов, о том, что люди сами собираются вокруг убедительного действия, хотя последнее время потребность в слове, которое может что-то менять, в обществе нарастает:

«Каяться нужно не только за то, что совершил, но и за то, что жил равнодушно к происходившему вокруг. Мы многое потеряли за XX век, и наибольший урон претерпело именно качество человека. Сегодня нет понятия репутации, чести, какого-то благоволения, широкодущия, какое было у людей друг к другу. Как изгнать эту порчу? Атмосфера у нас заряжена отрицательной энергией, настроен на халяву и иждивенчество. Уж если не к братству, то хотя бы к добрососедству хотелось бы прийти. Об этом много говорил и Солженицын: гораздо важнее экономического и юридического состояния страны – духовная атмосфера в обществе. Без возвращения в обычай братского и нравственного отношения друг к другу нам ничего не выстроить».

Анастасия Наконечная

Фото: Александр Волков

Закрывать не смогли

Несколько пожилых монахинь из глухой деревни своей тихой общинной жизнью наводили ужас на органы НКВД

У меня в Бродском был только священник общины монашек игумен Пахомий...

...До революции в с. Сирбишиной хотели организовать женский монастырь, была построена церковь и жилые дома. Монашек в общине было человек до 40. С революцией монастырь был закрыт, монашки часть разошлись, а часть при церкви, которую передали приходской общине. Из прежних домов монастыря монашек выселили, а им община построила сторожку при церкви и один небольшой дом, где до сих пор они живут. Кроме этого у монашек имеется в деревне один дом...»².

О жизни общины спустя пять лет после посещения архимандрита Ксенофонта мы узнаем из другого судебное следственного дела. Из постановления помощника областного прокурора спецсектора Овечкина: «В дер. Сирбишино был закрыт женский монастырь. Спустя некоторое время монахини этого монастыря организовали нелегальный монастырь, восстановив в нем все правила, существовавшие в старом монастыре до его закрытия. Настоятельницей нелегального монастыря была гр-ка АПАНИЦЫНА Вероника, бывшая настоятельница закрытого монастыря. Настоятелем церкви был специально прислан священник Вяткин (осужденный ГПУ на 3 года ссылки). Община монахинь состояла из 15 человек, причем в целях конспирирования наличия тайного монастыря, монахини приобрели 2 дома, в которых разместились монахини, и монахини вместе со священником Вяткиным жили в сторожке при церкви. Нелегальный монастырь держал тесную связь с епископом Макарием, к которому часто ездили монахини и священник за советами. Монахини жили общинно вместе, садили огороды, питание было общее, на питание, как для монахинь, так и для священника производились сборы молока у населения. Монахини работали на поденной работе в колхозе, заработанные средства делили поровну на всех монахинь, священник делил все поступившие средства и на монахинь. ...Наличие в деревне монастыря и агитация, проводимая монахинями, оказывали вредное влияние на работу колхоза, в религиозные праздники имел место массовый невыход колхозников на работу»³. Долго терпеть такое власть, конечно, не могла, и в ноябре 1935 года были арестованы 11 человек монахинь и иеромонах Иоиль (Вяткин). Такое впечатление, что 12 христиан из глухой деревни, священ-

ник и монахини, часть из которых уже в весьма преклонном возрасте, наводят просто ужас на следственные органы, которые не решаются самостоятельно вынести решение по делу и передают материалы следствия на рассмотрение Особого совещания:

«Утверждаю
ЗАМ НАЧ УПРАВЛЕНИЯ НКВД МАЙОР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(Самойлов)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
1936 г. Сентября 27 дня. Врид. Нач. 3
отделения СПО УГБ УНКВД по Свердловской области ЗАБОРСКИЙ, – рассмотрев дело № 5689 по обвинению Вяткина Иоиль Егоровича и др. в числе 5 ч. по ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР и принимая во внимание, что зам. Обл. прокурора по Спецсектору в заключении от 14/IX-36 г. определена подсудность дела Особому Совещанию при НКВД СССР –

ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 5689 по обвинению Вяткина Иоиль Егоровича и других направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

Настоящее заключение с делом передать УАО УНКВД – для исполнения и копию Прокурору Спецсектора – для сведения.

ВРИД НАЧ 3 ОТД СПО ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
/ЗАБОРСКИЙ/
СОГЛАСЕН: НАЧ СПО УГБ УНКВД КА-
ПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗО-
ПАСНОСТИ /РЕВИНОВ/»

Чего же так боялись репрессивные органы? Судя по материалам, простой внутренней свободы и обычного единства.

В деле 1935–1936 годов сохранились свидетельства о внутренней жизни монастыря. Из показаний Бызовой Татьяны Ивановны от 21.08.1935 г.: «...Да, действительно, в д. Сирбишино... существовал нелегальный женский монастырь, где проживало до 15 человек монашек во главе с игуменьей Валерией Григорьевной. Все монастырские порядки и обряды соблюдались тщательно, например, религиозные обряды совершались в церкви – утром рано и вечером поздно, куда ежесубботно приходили монашки в черных платьях-костюмах, обряды совершал священник

Вяткин, а в отсутствие его проводили богослужения сами монашки, в том числе и я. Помимо того монашки, проживая в общежитиях д. Сирбишино, также читали религиозные книги, пели религиозные псалмы и т. д. В группе проживающих монашек существовал определенный монастырский порядок – ходили в черной одежде и стриглись, этого добивались, благословлялись у игуменьи даже тогда, когда пойти на работу, правда, это было не каждый раз, но, тем не менее, такой порядок существовал, и я и сама ходила к игуменьи на благословения. Монашки проживали в общежитии в 3 местах – в двух домах купленных ими в д. Сирбишино после разгона монастыря в 1927 году и часть жила в сторожке церкви дер. Сирбишино. ...Характеризует нелегальное существование монастыря в д. Сирбишино и то обстоятельство, что монашки, проживая вместе в общежитиях, имели общее питание, садили овощи вместе, а также платили государственные налоги сообща. Как, например, знаю, что монашки, проживая в церкви, Вероника, Вера, Анна, я и священник Вяткин имели общее питание, проживая при церкви, сажали овощи вместе не только наш коллектив монашек, проживающих в церкви, но и другие...»⁴

Материалы дела поражают духом спокойной смелости и большим чувством достоинства у арестованных. Из дополнительных показаний Бызовой Татьяны Ивановны от 14/1 1936 года. «Вопрос: Вам известно, что существование нелегальной общины является незаконным? Ответ: Да, я и другие монашки знаем, что наш женский монастырь был властями ликвидирован дважды, а поэтому я знала, что существование монашеской общины является незаконным, но, тем не менее, проживая в д. Сирбишинской церкви, продолжали укреплять монашескую общину с её монастырскими правилами и порядками? Ответ: Да, я признаю себя виновной в том, что я своими действиями, проживая в Сирбишинской церкви, укрепляла монашескую общину с её монастырскими правилами, я, как и другие монашки, подерживала все монастырские правила и порядки, организовали в церкви, где жили, общее питание, садили овощи вместе и принимала участие в совершении религиозных обрядов в церкви по монастырским правилам...»⁵

Дело, конечно, шито белыми нитками. Монахини делали именно то, к чему призывала советская власть своих граждан, – вместе дружно трудились и имели всё общее, казалось бы, идеалы коммунизма показательно воплотились в деревне Сирбишино. Трудоспособные монахини занимались и лесозаготовками, и работали в колхозе, и даже исправно выплачивали немалые налоги. Новой властью они, скорее всего, не были довольны, но, конечно, никакой серьезной агитацией не занимались. Большой натяжкой выглядит их обвинение в контрреволюционной деятельности, компрометирующих фактов нет, серьезных свидетельских показаний тоже, следователи в растерянности, пишут письмо на имя зам. Нач. СПО УГБ УНКВД по Свердловской области: «...сообщаем, что новых фактов на Вяткина И.Е., характеризующих его к/р деятельность в смысле даваемых им монашкам установок по ведению анти-советской агитации среди местного населения дер. Сирбишиной получить не удалось, несмотря на ряд выездов оперативников на место в дер. Сирбишино и допрос большого количества колхозников и единоличников»⁶. Всю деревню трясло, как могли, но доносить никто не стал.

Однако монастырь разогнать было необходимо. И приговор был вынесен 3 ноября 1936 года⁷. Наиболее активные получают по пять лет лагерей:

14 января 1936 года следствие решает избавиться от престарелой настоятельницы иначе: «Бородина Валерия Григорьевна, 74 лет, будучи настоятельницей существующего ранее в д. Сирбишино женского монастыря, после закрытия его внедряла в сознание монашек (мысль) об укреплении монастыря в нелегальном порядке. Члены общины, которую возглавляла Бородина, вели антисоветскую агитацию, направленную на срыв мероприятий партии и Советского государства». Изобличена в преступлении ст. 58-10 УК РСФСР, но, принимая во внимание старческий возраст, материал приобщить к делу Вяткина, а указанных лиц – «Бородины и Устинову, как не имеющих близких родственников, на иждивение которых бы они могли прожить, направить их в дом старчества»⁸.

Сёстры обители, не подвергшиеся аресту, уехали в г. Невьянск и несли своё послушание в Вознесенской кладбищенской церкви – единственной открытой для богослужения в годы советского периода в г. Невьянске. В донесении в Кировградский райотдел НКВД, не спускавший глаз с Невьянского благочиннического округа, за сентябрь 1936 года сообщалось, что в Невьянске на квартирах церковного старосты Ведунова И.И. и диакона Иванова Н.И. Вознесенской кладбищенской церкви (Сергиевской ориентации) «проживает около 9 человек монашеского бродячего элемента». Перечислены и фамилии (уже знакомые нам по предыдущему делу) – Попова Ефросинья, 40 лет, Некрасова Анна Федоровна 38 лет, Устинова Евгения Ефремовна 55 лет, Бызова Татьяна Ивановна 30 лет, Куликалова Августа Ивановна 55 лет, Колчина (повидимому, Колтышева) Антонина, 20 лет... Осведомитель явно намекает на организацию монашеской общины при Вознесенской церкви.

Судить о продолжении жизни общины можно по фотографии 1950-х годов. Монахини поддерживали немногочисленные действующие храмы на севере Свердловской области. Но есть и свидетельства о поддержке ими тайных священников, например, в Верх-Нейвинске много лет тайно молились по ночам вместе с лишенным регистрации священником Михаилом Мягковым. Многочисленные свидетельства о жизни, молитве и миссионерской деятельности Сирбишинских монахинь существуют вплоть до 1970-х годов. Им удалось не только сохранить, но и наладить передачу монашеских традиций с помощью тайных постригов, ещё живы последние постриженницы. И это единственный монастырь в наших краях, который, как ни старались, но окончательно разогнать так и не смогли.

Оксана Иванова, Екатеринбург

В центре на фото архимандрит Ипатий. Будучи десятилетним мальчиком, он случайно зашёл в храм и на пороге был остановлен одной из монахинь, которая предложила ему пройти вместе, пригласила домой, потом рассказывала о житиях святых и читала Священное писание. Мальчик стал церковным человеком, впоследствии принял постриг и был рукоположен. Всю жизнь имел очень тесные и тёплые отношения с монахинями, вместе с одной из них ходил всегда к уполномоченному, поэтому его так и не смогли завербовать. Служил в Невьянске, там же, где и жила значительная часть сирбишинских монахинь.

¹ В источниках встречается также написание «Сирбишинский», «Сирбишино».

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 64062. Л. 20–21.

³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39420.

⁴ Там же. Л. 110–110 об.

⁵ Там же. Л. 111.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 71.

⁸ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39420.

11–13 мая состоится ежегодная международная научно-богословская конференция СФИ. Она подведёт итог предыдущим пяти конференциям серии «Традиция святоотеческой катехизации», которые институт проводит с 2010 года. В этот раз организаторы конференции планируют сделать акцент на применении принципов

святоотеческой катехизации в современных церковных условиях и обсудить:

- что мешает начать катехизацию;
- если катехизация уже ведётся, что мешает её проводить;
- как превратить приход в союзника катехизации;

- откуда берутся катехизаторы;
- откуда берутся оглашаемые;
- куда конкретно воцерковлять людей;
- как провести катехизацию за одну встречу;
- как готовить оглашаемых к крещению и/или воцерковлению.

К оглашению имели непосредственное отношение не только священники и миряне, но и епископы

Начало на с. 1

Интервью с проректором СФИ Д.С. Гасаксом

Оглашение не возродить одними административными шагами. Церковный народ – и священнослужители, и миряне – должны научиться свидетельствовать о вере, вдохновенно рассказывать о Христе Распятом и Воскресшем, о Церкви, а также научиться передавать эту веру, показывать пример жизни по вере. Не это ли служение является для церкви важнейшим? От благолепия храмов, красоты облачений и даже от присутствия на богослужении, как мы видим из нашей истории, христианская вера не умножается. «Слышание от проповедующего», и пока, нужно признать, мы это делаем слабо, а причины здесь не так важны. Поэтому внутрицерковное общение, обмен опытом, восприятие разнообразия опыта церковного свидетельства необходимо. Этому ничто не может заменить. И конференция Свято-Филаретовского института, как видно, вносит свой скромный вклад в это общецерковное дело.

Связаны ли проблемы, возникающие при попытках возродить полноценную катехизацию, с дефицитом свободы и ответственности в церкви и обществе? Если да, то что делать, ведь мы оказались в этой ситуации не по своей воле, а в результате всей истории минувшего века?

А кто же сказал, что мы разучились воцерковлять людей так, чтобы они из церкви не бежали, по чужой вине? И произошло это не в XX веке. Скорее можно утверждать, что XX век оказался столь тяжёлым для Русской церкви именно потому, что церковность большей части российского народа была лишь внешней, бытовой. Когда большевики разрушили бытовую уклад России, тогда и церковность отпала. Порасспрашивайте своих родителей, дедушек, бабушек. Её заменили другие вещи. Внешняя свобода церкви, конечно, была ограничена. Более того, церковь последовательно уничтожалась советской властью. Но разве до революции церковь в России была свободна? Церковь редко когда в истории имела внешнюю свободу. И время это было очень ограничено. Для благовестия необходима свобода внутренняя, для верующего сердца не может быть внешних преград. В противном случае христианство так и умерло бы в кругу ближайших учеников Христа, ведь апостолам никто не разрешал проповедовать. Но так не произошло, поскольку они считали, что Бога должно слушаться более, нежели человек. Значит, не произойдёт и сейчас.

Как узнать, что можно сокращать во время, а чего нельзя

Начало на с. 1

Интервью с ректором СФИ профессором священником Георгием Кочетковым

Катехизатор должен иметь хотя бы минимальную опытность и знание, и подготовку, и духовную силу, и главное – любовь к Богу и к ближним, причём ко всем, какими бы они ни были, нравятся они ему субъективно или не нравятся. Без этого катехизацию начинать совсем ни к чему, это будет только соблазном и для народа, и для конкретных людей. Ведь катехизация всегда имеет дело с людьми. И ошибки на катехизации – это прежде всего риск того, что Бог потеряет Свой народ, Своих людей, которых Он избрал и призвал, а мы своими грехами и немощами, расслабленностью своей или путаницей в сердце и в голове готовы разбрасывать направо и налево и искушать, излишне настаивая на своём. Вот что самое важное.

Мы знаем, что к СФИ часто обращаются с просьбой дать методiku катехизации. Чему в этой сфере можно научить теоретически, скажем, во время конференции, а чему – только во время практики, т. е. непосредственно во время оглашения?

Дело в том, что катехизация не бывает одинаковой. Оглашаются разные люди, катехизатор им только помощник. Всех катехизирует в конечном счёте Господь. Мы с вами это хорошо понимаем и знаем, и должны всегда это помнить. А катехизатор – именно священнослужитель Божий. Он совершает таинство слова во время оглашения, не без его участия совершается и покаяние, растянутое на довольно длительное время, имеющее свои этапы.

Поэтому методик быть не может. Должен быть творческий подход, духовный, личностный или для начала хотя бы личный, иначе это превратится в сухую, никому не нужную формальность, и духа там не будет. При этом должно, конечно, присутствовать понимание основных направлений традиции, и эту парадигму люди должны знать и исполнять строго. Есть такие рекомендации на катехизации, не исполнять которые преступно с точки зрения ответственности пред Богом и людьми.

Поэтому катехизатор всегда должен учиться, он никогда не должен удивляться тому, что кто-то ведёт катехизацию в чём-то по-другому, что в разных группах у него самого будет получаться всё немного по-разному. Он должен благодарить за это Бога, потому что в этом и есть проявление жизни. Только пусть меньше на это служение влияют наши грехи, наша узость, заскорузлость, инертность и прочие вещи, противящиеся Духу. Тогда катехизация пойдёт нормально, и катехизатор быстро войдёт в норму и подойдёт к тому, что должно быть в его служении.

Что Вы имеете в виду, говоря о том, что некоторые рекомендации не исполнять преступно?

Вот категорические требования: нельзя занудствовать, нельзя «грести под себя», нельзя лидерствовать. Священнослужитель-катехизатор, как и всякий священнослужитель, к слову говоря, никогда не должен себя выпячивать и вести людей только к себе. Ничего плохого нет, когда люди, общаясь с катехизатором, становятся ему друзьями во Христе, а он им. Если это действительно дружба во Христе, то это прекрасно, и всякие попытки оградить людей от этого, естественно, терпят фиаско. Но лидерствовать или «господствовать над стадом», как говорит апостол Петр (1 Пет 5:3), конечно, недопустимо. А многие неопытные катехизаторы, к сожалению, стараются или проявлять свою яркую натуру и свои знания и всех подгонять железной рукой под свои личные представления, или, хуже того, вообще потребительски относиться к оглашаемым: вот они то-то, то-то и то-то могут сделать мне лично, или приходу моему, или епархии... Вот этого утилитарного подхода быть не должно. Всё это самые тяжкие вещи. Всегда в центре должен быть Господь Бог. Мы ведём людей к Богу, мы им помогаем в этом, как проводники, «сталкеры», которые проводят людей через все ужасы этого мира единственной узкой дорогой к Престолу Божьему, ставят на путь к Царству Небесному – и к общению, и к служению, если переводить это в категории земного бытия церкви.

Вы сказали, что катехизация – это таинство покаяния и слова. Вас не смущает, что часто катехизаторами становятся миряне и даже женщины?

Ну и что, разве это плохо? Они тоже совершают священнослужение. А кто сказал, что они не могут этого делать? Есть непреложное новозаветное учение, обязательное для православия, о всеобщем священстве народа Божьего. Потому что у всех нас один Первосвященник, Великий Архиерей Господь наш Иисус Христос. Вот Он – наш Архиерей, наш Первосвященник. Он отдал Себя до конца по Своей безмерной любви. И никто повторить Его служение не может. А мы все – Его священники. Да, не все мы старшие, не все пресвитеры, но мы все приносим духовные жертвы, чтобы «возвещать совершенство Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой Свет» (1 Пет 2:9), как сказано в Писании. Поэтому какие могут быть смущения по отношению к мирянам или по отношению к женщинам? В церкви веками были дьякониссы, были и пресвитериды, всё было. Потом, к сожалению, историческая судьба православной церкви складывалась не всегда легко и просто. И что-то мы потеряли из того, что Господь давал церкви прежде. Это не значит, что потеряли навсегда. Всё это может быть восстановлено, когда в этом действительно будет духовная нужда, когда будет на то воля Божья.

Всё это пока не очень объясняет цели конференции. Вы говорите о вещах высоких, предельных – а что можно успеть сделать за три дня обсуждения?

Дело в том, что возникает много практических вопросов. И цель нашей конференции – быть именно конференцией, т. е. собраться вместе для подведения итогов, для обсуждения сложных вопросов. Какой-то первый цикл наших ежегодных конференций по катехизации прошёл, и надо ответить на вопросы, надо посмотреть, что получается на практике, какие возникают трудности и, может быть, снова поставить острые вопросы. Эта конференция будет чрезвычайно важна. Она в каком-то смысле итоговая на определённом этапе проведения этого цикла встреч.

То есть она в большей степени рассчитана на тех, кто участвовал в предыдущих конференциях?

Она может быть важной и интересной для всех, потому что многие люди сейчас ищут материалы по катехизации, ищут возможности реального проведения катехизации на приходах, хотя на приходах, как правило, обстановка не благоприятствует этому. Но надо что-то делать, надо думать об этом, а если необходимо, то что-то и менять. Потому что исполнение воли Божьей на первом месте, это самое главное. А потом уже – исполнение разных волей тех или иных церковных людей, в

Праздничная трапеза братчиков с новоцерковленными. Светлая седмица 2014 года

Как и в предыдущие годы, «Кифа» предваряет обсуждение, которое произойдёт непосредственно на конференции, серией материалов. Сегодня в номере заключительный из них – интервью с ректором и с проректором Свято-Филаретовского института

Время катехизации,

После воцерковления новопросвещённые каждый день бывают в храме. После литургии, Светлая седмица 2014 года

том числе облечённых саном и властью. На первом месте всегда должен быть Господь. И поэтому мы верим в то, что катехизация возродится в нашей церкви несмотря на все те колоссальные трудности, с которыми она сейчас сталкивается.

А этих трудностей очень много. И прежде всего безличность в нашей церковной жизни, незаинтересованность в людях, которые и составляют (или могут составлять) Народ Божий в церкви. Это самая большая проблема. Плюс некомпетентность, бескультурье, духовная неопытность многих священнослужителей. Очень много посторонних и мелочных предметов выходит на первое место на приходах. К сожалению, это долгая история, это то, что существует уже много веков. Ну, а уж если вспомнить разрушение церковной жизни в XX веке, тут становится окончательно ясно: трудно рассчитывать на то, что люди будут готовы открытым сердцем сразу принять всё доброе, всё хорошее, всё благодатное, а не будут исходить из каких-то идеологем, кем-то подсказанных или подстроженных. Поэтому катехизатор всегда должен помнить: хочешь служить Богу – приготовь душу свою к искушениям. Вот это обязательно. И если человек боится этого, то, конечно, он катехизатором не станет. В наше время любой катехизатор должен быть готов пострадать за Христа – и от лжебратий, и от внешних, и даже от оглашаемых, и от духов злобы поднебесных.

На конференции будут священники, у которых пока не так много опыта катехизации, и это катехизация на приходах, и будут наши братские катехизаторы, которые входят в традицию братского оглашения. Как говорить об опыте длительной катехизации с практической стороны так, чтобы этого разрыва не чувствовалось?

Он всегда будет чувствоваться. Всегда есть разница между опытным человеком и неопытным, знающим и малознающим. И ничего в этом страшного нет. Главное, чтобы было искреннее, сердечное желание служить Богу и Церкви, Богу и людям. Вот и всё. И чтобы человек при этом не был в том или ином смысле корыстным.

А какие-то сложности другого плана – это нормально, и ничего бояться не надо. Вообще поменьше надо обращаться назад, на мой взгляд. Всем без различия – и братским катехизаторам, и приходским. Потому что мы часто берёмся за плуг и оборачиваемся назад, и хотим, чтобы Крест Христов превратился в мягкую перину. Это характерно не только для нашей молодёжи, которая часто хочет сделать себе крест мягким, удобным, тихим, спокойным, комфортабельным и даже полезным и выгодным. Но это большая ошибка.

Между теми, кто доходит до понимания необходимости серьёзной катехизации, кто начинает участвовать в ней, невольно возникает особое братское общение. Видите ли Вы в этом надежду на то, что дело катехизации сдвинется во всей церкви?

Конечно, вижу. Это один из основных, может быть, даже основной путь собирания церкви сейчас. Собирация людей именно по духу, по любви ко Христу, а не по каким-то другим соображениям. Это не единственный путь, возможны и другие, но это главный путь. Настоящее свидетельство и настоящая катехизация, настоящее образование, настоящая духовная жизнь, общинно-братская жизнь – это главное, к чему мы должны стремиться, думая о возрождении нашей церкви!

Беседовали Анастасия Наконечная и Александра Колымагина

Редакция благодарит членов группы, оглашавшейся у о. Георгия Кочеткова в 2013–2014 гг., за предоставленные фотографии

«Мы только что воцерковились, это было наше первое паломничество»

К 25-летию Преображенского братства: первые большие паломничества (1995–1996 годы)

Из воспоминаний Виктории Эдуардовны Калининой

Наша огласительная группа воцерковилась на Пасху 1995 года. К этому времени нашим братским храмом стал храм Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках, который восстанавливался после того, как из его помещения выехал Музей морского флота, и ещё не были убраны большие полотна морских пейзажей. В храме появилось объявление о паломничестве на три дня в Псков, и наша группа в своём большинстве решила ехать в паломничество.

На вокзале идём и несём свои вещи в первом братском паломничестве. Мне кажется, что нас не сто, и не двести человек, а больше. Разместились мы в спортзале художественного училища и ещё в двух или трёх небольших прилегающих к нему помещениях, конечно на полу, а кто не нашёл себе места на полу, устраивались по-разному, кто как мог, так, наша Светочка Дубнова спала на письменном столе на площадке лестницы.

В этот первый наш приезд в Псков мы знакомимся с городом, его историей. Прошли с экскурсией по всему Псковскому кремлю, побывали в Поганкиных палатах, построенных в 20–30-х годах XVII века. Сейчас это обширная иконная галерея, замечательное собрание икон, в основном – псковских. Александр Михайлович Копировский терпит несносимый поток наших братьев и сестёр, слушающих его рассказ.

Первая литургия была на следующий день после приезда в храм св. Климента, расположенном на берегу реки Великой. Храм старинный, XII века, недавно отреставрированный, внутри него чистые белые стены, икон только две – одна на иконостасе и ещё одна слева на стене. В храм можно войти только по покатым доскам, ступеней ещё нет. Храм очень, очень маленький, и мы стоим плотной стеной, и на улице осталось ещё много нашего народа, но теснота нас не смущает. А перед службой у храма мы встречали большую процессию, шедшую из Мирожского монастыря, от архим. Зинова (Теодора). Впереди шёл о. Георгий в белом подряснике, Александр Михайлович, Владимир Якунцев, о. Димитрий, ещё тогда иеродиакон. Мы служим в первый раз литургию ап. Иакова, причащаемся впервые из двух чаш – отдельно Крови Христа, и Его Тела. Во время причастия луч солнца через маленькое старинное окно осветил причащающихся. Птицы за окном громко пели, восхваляя Христа вместе с нами. Как ярко этот момент запечатлелся в моей памяти! Конечно, многое могло померкнуть за прошедшие годы, но эти радостные минуты забыть невозможно. Ведь мы только что воцерковились, это было наше первое паломничество, и воспринималось всё очень ярко. После литургии мы все вместе фотографировались у стен храма на берегу реки Великой.

Мирожский монастырь, настоятелем которого был о. Зинов, находился на другом её берегу. Монастырь ещё только восстанавливался после передачи его церкви, и сейчас его главная святыня – Преображенский собор – ещё принадлежала музею. В соборе сохранились фрески XII века в достаточно хорошем состоянии; мы небольшими группами входили в собор, и Александр Михайлович рассказывал нам о них. Храм в монастыре ещё не был восстановлен, и мы помогали приводить монастырский двор в порядок, выносили мусор, работали в огороде на грядках, братья делали более серьёзную работу.

Все три дня мы были радостны, хоть жизнь у нас непростая – иногда спорим и немножко ссоримся, когда каждая группа отдельно для себя готовит еду в маленькой комнате, где только две или три электрические розетки и несколько столов для еды, а нас так много. Каждый из нас очень, очень привязан к «своей» родной и любимой группе, и у нас ещё не выработалась общая братская жизнь в нашем большом Преображенском братстве, этот опыт придёт позже, с годами.

Это было первое наше паломничество, первый опыт жизни вместе, опыт радости, сложностей, возможности близкого знакомства друг с другом, первый опыт совместной подготовки к причастию – Володя Якунцев и другие алтарники вечером на улице читали Покаянный канон и Последование ко св. Причащению. Мне кажется, что именно участие в этом паломничестве нашей только что огласившейся группы вдохновило нас на дальнейшую общую жизнь в братстве.

На следующий год братство снова поехало в Псков. В этот раз мы устроились жить в гостинице, расположенной очень удобно на берегу реки Великой, напротив кремля, рядом с мостом на другой берег реки. А питерцы и тверичи приехали со своими палатками и спальниками и расположились в монастырском саду Мирожского монастыря. Отец Зинов, принимая нас, сказал: «Это ваш дом». К сожалению, на следующий же год он перестал быть и домом самого о. Зинова и его братии*. Но тогда нам было хорошо.

В Мирожском монастыре кроме Преображенского собора есть Стефановская церковь, памятник архитек-

Во главе группы паломников священник Георгий Кочетков и священник Андрей Давыдов

туры XVI–XVII веков, расположенная на втором этаже трёхэтажной постройки. К ней ведёт высокая каменная лестница. Храм ещё не окончательно восстановлен, но иконостас в храме уже был. Его стены сложены из крупных камней. Иконы написаны о. Зиновом и его учениками. Литургия ап. Иакова служилась уже здесь. Храм очень небольшой, и мы, конечно, все не умещались в нём, но был ещё притвор, откуда всё было видно и слышно.

Потом мы вновь работали на территории монастыря. В один из дней о. Зинов пригласил всех желающих прийти на раннюю монастырскую утреню. Я, Верочка Шапкина и ещё кто-то из сестёр, встав пораньше, пошли в монастырь. Он был очень хорошо виден почти от нашей гостиницы. Утро было раннее, тёплое, ясное, солнечное. Мы шли босиком по воде по краю реки, иногда шлёпали по песку, было легко и радостно. Монастырская часовня была совершенно восстановлена, стояли столы со скамейками, на окнах красивые узорные чугунные решётки, на подоконнике лежала небольшая сосновая веточка. Солнце светило в окна. С о. Зиновом пришёл только один монах.

Утреню о. Зинов служил один, молитвы читал и пел тоже он, тихо. Молитвы ложились на сердце, и оно отзывалось радостью и благодарностью, тишиной. За окном светило солнце, плескались воды реки. Мы благодарили Господа за эту жизнь, за радость Его присутствия.

Монастырская служба, тихая, не быстрая, захватила нас целиком, само время исчезло, тихий мелодичный голос вводил нас в недоступное ранее. Служба закончилась. Мы молчали. Говорить не хотелось. Поклонились о. Зинову, получили его благословение и пошли к своему жилищу. Эту утреню забыть невозможно.

Из дневника Татьяны Константиновны Покровской (Наумченко)

Псков, 1996 год

Первая литургия в Мирожском монастыре на берегу реки Великой, огромной, прекрасной русской реки, по которой более десяти столетий назад врывалась на челноке простая девушка Ольга, чтобы стать женой князя Игоря, княгиней Ольгой, одной из первых христианок на Руси.

На другом от нас, от монастыря, берегу – Псковский кремль, серый, из местного камня, бута. За кремлём – весь город. Это восточный берег реки. А с западного, где монастырь, все эти столетия и двигались на Русь то немцы, то поляки, то литовцы или ливонцы, кто их разберёт. Лишь при Петре город перестал быть пограничным, граница России отодвинулась от него.

На этой литургии были все паломники из нашего прихода и их друзья, всего человек 200. Конечно, не поместились в храм, маленьком, ещё не отреставрированном. Служба шла через микрофоны и усилители. Я стояла на втором этаже крыльца (крыльцо, как в тереме), и передо мной была аллея. Я смотрела на небо, на зелень, на всё это чудо, слушала службу и в этой природе чувствовала Бога.

На другой день опять службы – литургия, вечерняя. Возвращаюсь к Тому, Кто дал мне жизнь, дал всё, что имею.

Экскурсия в кремль. Стоим маленьким стадом. Смотрю вокруг и вдруг вижу – через всё небо – яркая радуга. Да, конечно, то дождь, то солнце. Она, радуга, предопределила все наши удачи в этом паломничестве. Нам открыли Троицкий Собор и зимнюю церковь, алтарь которой целиком расписан о. Зиновом.

Последний день в Пскове. Совершенно необыкновенная литургия Иакова. Служат 4 удивительных по своей силе священника: о. Зинов, о. Иоанн, о. Виктор и о. Георгий. Во время и после службы была такая атмосфера приподнятости и радости в храме, что все четыре священника после службы вышли из алтаря и поблагодарили нас (паломников и прихожан) за молитвенное участие в службе. Состояние духа совершенно необыкновенное.

* О том, как в декабре 1996 года был запрещён в священнослужении, изгнан из клира Псковской епархии и выслан из Мирожского монастыря в никуда архимандрит Зинов с братией, рассказано в сборнике «Христианский вестник» № 3.

«Мы только что воцерковились, это было наше первое паломничество»

К 25-летию Преображенского братства: первые большие паломничества (1995–1996 годы)

Начало на с. 7

И опять экскурсия. В Изборск и Псково-Печерский монастырь. И в Изборске я оказалась в своём сне. Глубокий обрыв. Я над ним. И смотрю. Озеро, за ним деревни, купы деревьев, дали. Красота неописуемая, дух захватывает.

Псково-Печерский монастырь. Ухожен, чист, клумбы, цветы, хозяйство. Монахов много. Впечатление такое, что никакие внешние бури, политика его не тронули. Как будто жил и живёт сам по себе. Завтра уезжаем. До свидания, Псков!

Новгород

А вот и господин Великий Новгород, в котором я тоже впервые в жизни. Гостиница наша, как и в Пскове, напротив кремля. Между ней и кремлём – река Волхов, такая же прекрасная, как и Великая. Вытекающая из Ильмень-озера, впадающая в Ладожское, связанная реками почти со всеми морями. Отсюда и знаменитые купцы новгородские, отсюда и товары заморские, отсюда сила, богатство и независимость великого города.

Сейчас уже нет былого величия. 200 с лишним тысяч жителей. А величие Новгорода потопил в крови в XVI веке Иван Грозный, перерезав более трети новгородцев, осмелившихся оспаривать с Москвой первенство на Руси.

На сей раз в гостинице я поселилась с Ирой Михальской и Аллой Галиченко, нашими милыми сёстрами из общины.

В первый день я как-то оторвалась от всех, видела самостоятельность норвежцев (был день города) прямо на улице. Был там и наш ансамбль, новгородские фольклорники. Танцевали, пели, играли, резвились. В провинции люди более раскованны. Ведь играли в разные игры и резвились там не только артисты, но все.

Ещё в Пскове, когда я одна на прощание пошла пошатаваться по городу, увидела пятачок – один играл на гармошке, а кругом танцевали, отплясывали. И как лихо! Всё это в Москве выглядело бы дико, а там нет, нормально. В Москве все бегут, как оглашенные, ныряют в метро, выныривают, опять бегут, покупают, и ныряют домой, в семью, к телевизору.

После норвежцев, наконец, пошла в кремль. И там, обходя Софийский собор, увидела наших. В центре возвышался Александр Михайлович Копировский, а вокруг – наши паломники. Уже часть – после Пскова разъехались по трём направлениям: Польша, Прибалтика, а мы в Новгород.

На другой день – сплошь экскурсии. По Торжищу, это на том же берегу Волхова, где и гостиница. Храмик на храмыке. XII век. Кроме храмов, каменных домов не строили, не положено было. Вот купцы новгородские и придумали храмы использовать для хранения товаров. На первом этаже склад (воск, пенька, кожа и т. п.), на втором – храм. И товар под двойной защитой – Бог и камень.

Потом ходили по кремлю. Замечательный памятник 1000-летия России.

Вечером Александр Михайлович собирался с желающими пойти пешком (это после экскурсий!) в какой-то монастырь за 10 км: 10 км туда, 10 – обратно. Ничего себе! А хочется! Наш первый экскурсовод, очень милая увлечённая молодая женщина, нам и говорит: «А лучше идите вдоль Волхова направо (если встать спиной к кремлю, лицом к Волхову). Через 4 км – монастырь, по дороге старинные храмы. За монастырём – скит, там живёт одна лишь монахиня».

И пошли! По-моему, все. Целая толпа.

Если бы была хоругвь, было бы убедительнее.

А вот и первый храмик. Домонгольского периода. Обходим вокруг. Поём «Достойно есть...» и идём дальше. Поём псалмы. Вот другой храм, ещё более древний, на кладбище. Опять кондак, величание, «Вечная память...» всем похороненным здесь.

Идём дальше. Вдали видны купола. Бьют колокола, только что окончена вечерня.

Внутри монастыря огромное пространство. Всё заросло бурьяном, запустение. Всего несколько монахов. Находим батюшку, он разрешает нам зайти в храм. Не смогла я запомнить названия всех храмов, да и не пыталась.

Идём в скит. Три домика образуют треугольник. В центре треугольника – сама древность, храм, построенный, наверное, как только пришло христианство на Русь, маленький с круглыми закомарами.

А вот и она, Валентина, затворница. Принимает, удивляется, радуется. Лицо (жаль, я не художник) – такой покой в лице, глаза лучистые. Простое, деревенское лицо, красивое и доброе. Только потом мы узнали, что она, кажется, кончала консерваторию.

Обходим лесок. Она впереди. Расспрашиваем. А, может, не надо. Но она спокойно отвечает на все вопросы.

– Зимой? Как с теплом?
– Нет, не топлю. Электронагреватель.
– Как с едой?
– Картошка есть, сажаю немного.
– Как вы тут?
– А оставайтесь со мной, поживите! Вот косы нет. Всё травой поросло, а то бы я покосила.

Уходим. Кто яблочко, кто банку консервов, кто расчёску. Всё принимает в самодельную сумочку, висющую на шее.

Откуда только силы берутся? Мы с Аллочкой (это в мои-то 62) летим, обгоняя всех, не знаю, на каком по счёту дыхании. Догнали какой-то автобус. В Новгород!

Заканчивается наше паломничество в Новгороде. Уже 6-е. Завтра уезжаем. Опять Юрьев монастырь. Музей деревянного зодчества под открытым небом, храмы, избы, чёрные, белые. Чёрные, как чёрные бани, без трубы, белые – с трубами от печей. Молодёжь идёт помогать в Юрьев монастырь, часть народу опять идёт в скит.

Где-то достали, купили косу и грабли, собрали деньги, несут и продукты.

А 8-го утром я уже была дома.

В паломничествах всегда участвовали дети

Это было чудом

К 25-летию Преображенского братства: приобретение помещений Свято-Филаретовского института (1995–1996 годы)

С начала 1990-х годов работа Института проходила в приходском доме при Владимирском соборе бывшего Сретенского монастыря, настоятелем которого в то время был о. Георгий Кочетков. А однажды выяснилось, что и эти помещения Институт лишается...

Вспоминает Александр Копировский, проректор СФИ в 1993–1997 гг.

Разговор о помещении для Института возник тогда, когда стало ясно, что нам не дадут никаких прихрамовых помещений. Дом при Владимирском соборе мы отбили буквально с риском для жизни у захватившей его организации и начали его обживать, но вскоре вышло известное постановление, что наша приходская община изгоняется из храма* и, соответственно, из всех этих помещений без предоставления чего бы то ни было взамен. Её объединили с приходской общиной храма Успения в Печатниках (тоже входившей в наше братство), но вернуть бывшие приходские помещения этого храма было по разным причинам невозможно. И мы оказались нигде.

Тогда о. Георгий мне сказал: «Нужно покупать помещение. В собственности. Надевай стихарь, бери тарелку, я сегодня объявлю о начале сбора средств на помещения, и будешь ходить с этой тарелкой. На каждой службе будет отдель-

ный второй сбор на институт». Я надел стихарь и пошёл. И, поскольку о. Георгий объявил сбор, деньги бросали, и иногда бросали даже довольно большие пачки. Но ведь это всё равно были наши «деревянные» рубли, а к этому времени стал уже ясен порядок цен – квадратный метр стоил больше тысячи долларов («тех» долларов, начала 1990-х гг.). Я подумал, что всё это, конечно, в педагогическом смысле хорошая мера, но каков будет её результат – совершенно непонятно. Казалось, чтобы купить мало-мальски подходящее помещение, небо должно было разверзнуться, и оттуда должны начать падать деньги.

Но эти мои колебания разрешились, когда некоторые сёстры на первом же сборе стали... отстегивать серги, снимать кольца и класть их на тарелку. Я почувствовал себя во временах Минина и Пожарского, и всё моё неверие испарилось. Стало понятно: теперь всё, теперь купим. Не из-за того, что эти колечки стоили много, но возникло ощущение – это дело Божие, и оно не может не увенчаться успехом. Так и оказалось.

Было несколько очень ярких моментов при сборе денег.

Подшло время внесения первого взноса за помещения. Мы к этому времени уже выбрали квартиры на Покровке. Сначала думали одну, потом решили, что две, те, которые сейчас составляют правую часть первого этажа. Денег не хватало даже на первый взнос. Он составлял 80 тысяч, а у нас было примерно 40. И тогда возникла «гениальная» идея: попросить у братьев, которые занимаются бизнесом, занять для нас где-то на год недостающую сумму, эти сорок тысяч, но без процентов. Как мы будем их отдавать, мы, конечно, не знали, но надеялись на лучшее. Я позвонил одному нашему брату, он занимался строительством, и сказал ему, что ситуация аховая, через пару дней нужно вносить первый взнос (я не называл цифр!), у нас сильно не хватает, и нельзя ли у кого-нибудь занять

«под честное слово», под нас всех, под братство, с тем, что мы через год отдадим, ну, а процентов мы, конечно, платить не можем. Брат всё это спокойно выслушал, сказал – ладно, я подумаю, обращусь к знакомым. Через два дня он мне позвонил и сказал, что кое-что собрал. Я очень обрадовался, мы с ним встретились, он принёс довольно большой пакет. Я с трепетом спросил, когда мы должны это отдать. Он на меня посмотрел снисходительно и сказал: «Да ладно...» Ну, ладно, так ладно. Я посчитал деньги. Ровно 40 тысяч! Я понёс их наверх (у нас тогда в храме на втором этаже были батюшкины помещения), а там Герман сидел, тогдашний помощник отца Георгия. Говорю: «Герман, вот деньги на помещения принёс один человек». Он говорит: «Да, а сколько?» «Ровно 40 тысяч». Он удивился чуть не до обморока.

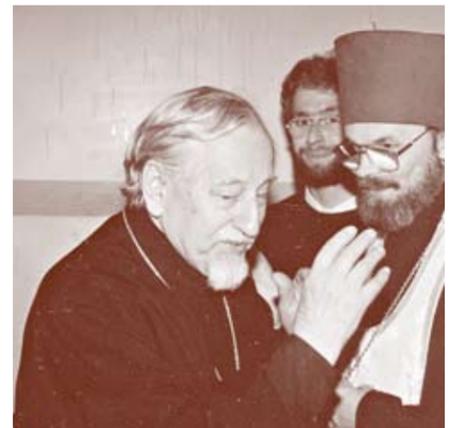
Второй момент был связан с фондом «Церковь в беде». Нам в этом фонде сказали: нужно письмо от патриарха, подтверждающее, что мы обращались по поводу помещений в разные инстанции и нам ничего не дали. Это условие казалось невыполнимым: уже несколько лет против братства шла информационная война, выпускались многочисленные сборники с устрашающими названиями («Сети обновлённого православия», «Антихрист в Москве» и т.п.), прошла разгромная конференция «Единство Церкви», у братства забрали, как я уже говорил, Владимирский собор, а его общине приказали самораспуститься... Но подпись патриарха на нашем прошении мы вдруг получили.

Много было и других бумаг. В итоге всё собранное составило очень приличную сумму, так что мы смогли выкупить две квартиры. Потом собирали деньги и на две другие квартиры, чтобы институту принадлежал весь первый этаж. Пожертвованных золотых и серебряных вещей набралось довольно много. Продавать их по отдельности было совершенно невозможно, поэтому они довольно долго лежали. В один прекрасный момент

нашёл человек, директор большого антикварного магазина, который взял их оптом и по очень высоким ценам. Это было невероятно. Он спокойно пояснил, что иногда для церкви что-то делает, и знает по опыту, что такие вещи идут своими особыми путями и продаются по особым ценам. Он очень твёрдо это сказал.

В течение последующих лет у нас было много проблем с помещениями института – то дом пытались объявить аварийным, а нас отселить на окраину, то руководство ТСЖ (теперь уже бывшее руководство) пыталось объявить нам войну... Но нас всегда поддерживало, в том числе, и воспоминание о том, как всё начиналось. Что всё это было чудом. Ведь там, где чудо – там благословение Божие. А где благословение Божие, там нельзя ничего сломать. Да, всё происходило чудом, но с крайним напряжением всех наших сил. Это, пожалуй, самое важное.

* Подробнее об этом рассказывалось в материале прошлого номера «Кифы» («Немного о гонениях»)

В тот день в Институт пришли почётные гости, среди них – протопресв. Виталий Боровой

Фотографии к материалам с. 7–8 по истории Преображенского братства – Анатолий Мозгов (+ 2008)

Освящение помещений СФИ на ул. Покровка

Красное вино победы

Москва. 9 мая 1945 года

Из рассказа Евгения Носова

Все наши публикации о войне мы старались подбирать из свидетельств участников тех событий. Мы смогли написать о блокаде и об эвакуации, но оказалось, что не осталось известных нам дневников и воспоминаний фронтовиков. Поэтому сегодня мы публикуем фрагмент рассказа Евгения Носова. Автор был тяжело ранен в боях под Кёнигсбергом и День Победы встречал в госпитале в Серпухове. И рассказ этот тоже свидетельство очевидца...

Весна сорок пятого застала нас в подмосковном городке Серпухове. После сырых блиндажей, где от каждого вздрoga земли сквозь наматы сыпался песок, хрустевший на зубах и в винтовочных затворах, после землисто-серого белья, которое мы, если выпадало затишье, проваривали в бочках из-под солянки, после слякотных дорог наступления и липкой хляби в непросыхающих сапогах, – после всего, что там было, госпитальная белизна и тишина показались нам чем-то неправдоподобным. Несмотря на раны, первое время мы испытывали какую-то разнеженную, умиротворённую невосможность.

Впрочем, гипсы, в которые мы были закованы всяк на свой манер, уже давно утратили свою белизну. Они замыгались, залоснились от долгой лёжки, насквозь промокли от тлеющих под ними ран. Медленно заживающие раны зудели, и это было нестерпимой пыткой, не дававшей покоя ни днём, ни ночью. От этих каменных панцирей нельзя было избавиться до срока, и надо было терпеть и дожидаться своего часа, своей судьбы. Двоих из двенадцати унесли ещё в марте... С тех пор койки их пустовали.

В том, что на освободившиеся места не клали новеньких, чувствовалась близость конца войны. И может быть, потому это была самая томительная военная весна. Томительная именно тем, что все – и медперсонал, и мы, раненые, – со дня на день, с часу на час ожидали близкой победы. После того как пал Будапешт и была взята Вена, палатное радио не выключалось даже ночью.

Было видно, что теперь всё кончится без нас...

– Интересно, где теперь наши? – спрашивал, ни к кому не обращаясь, лежавший в дальнем углу Саша Селиванов, смуглый волгарь с татарской раскосиной. В голосе его чувствовалась тоска и зависть.

Сашина толсто загипсованная нога торчала над щитком кровати наподобие пушки, за что Сашу в палате прозвали Самоходкой.

– Нешто не навоевался? – басил мой правый сосед, Бородухов.

– Да как-то ни то ни сё... Шёл-шёл и никуда не дошёл...

Охота посмотреть, как Берлин будут колошматить.

– Зато дома наверняка будешь. А то мог бы ещё два аршина схлопотать... Под самый конец.

Бородухов заметно напирал на «о», отчего речь его звучала весомо и основательно. Был он из мезенских мужиков-лесовиков, уже в годах, крижист и матёр телом, под которым тугая панцирная сетка провисала как верёвочный гамак.

С начала войны это было четвёртое его ранение, и потому, должно быть, Бородухов отлёживал свой очередной лазарет как-то по-домашнему, с несуетной обстоятельностью, словно пребывал в доме отдыха по профсоюзной путёвке.

...Слева от меня лежал солдат Копёшкин. У Копёшкина были перебиты обе руки, повреждены шейные позвонки, имелись и ещё какие-то увечья. Его замуровали в сплошной нагрудный гипс, а голову прибинтовали к лубку, подведённо-му под затылок. Копёшкин лежал только навзничь, и обе его руки, согнутые в локтях навстречу друг другу, торчали над грудью, тоже загипсованные до самых пальцев. Эта конструкция со всеми её подпорками и расчалками на обиходном госпитальном языке именовалась «самолётом».

«Войны нет! Войны нет!»

Из дневника Н.С. Покровской

11. 05. 45. Седьмого мая к вечеру в Наркомате, сначала осторожно, потом смелей и смелей пополз огненный слух: «Война кончилась! Германия капитулировала!»

В комнату входили люди и снова повторяли те же слова. Говорили, что по радио поймали Англию, что Англия празднует победу, что слышали речь короля, поздравляющего народ с победой, что в Англии звонят колокола. Говорили, что всё это верно, что наркомы звонили из ТАСС. Эти слухи так накалили настроение людей, что Москва затрепетала. На площадях, на перекрёстках стали собираться толпы людей, ожидающих сообщения уличных радио.

Я пришла домой взволнованная. Услышав эти слухи от меня, разволновались и мама, и дети. Пришла Наташа (*подруга автора – ред.*) и тоже заразилась моим настроением. Аня (*невестка – ред.*) прибежала с работы и сообщила, что начальник отпустил их всех домой слушать радио о конце войны.

Наконец, Таня (*дочь, 10 лет*) легла спать. Котик (*сын, подросток*) отказался раздеться и лежал сверх одеяла в брюках, в ботинках и в куртке, готовый вскочить в ту минуту, когда по радио будет сообщено что-нибудь решающее. Мама сидела у стола, склонив голову на руки, и дремала, не желая лечь. Наташа сидела у стола, поправляя контрольные работы. Её тёмная головка, усталое лицо, синий воротничок и серая жакетка навсегда останутся в моей памяти. Но всё же в третьем часу ночи мы стали ложиться, так ничего и не услышав. Утром встали серые от усталости и разбитые.

На работе снова понеслись упорные слухи. «Слышал сам нарком!», «Ждите сообщения в 4 часа!», «В 5 часов будет демонстрация!» До четырёх часов никто не работал и никто не требовал никакой работы. Сидели, смотрели друг на друга, вздрагивали от громкого слова, от стука дверей, бегали в коридор посмотреть на репродуктор, на часы. Пришло 4 часа. Пришло 5, 6, 7. Тихо. Радио молчит, а сердца стучат. Кровь пульсирует в висках, руки горячие, глаза усталые, лица серые.

Продолжение на с. 4

Продолжение на с. 2

Красное вино победы

Из рассказа Евгения Носова

Начало на с. 1

Копёшкин, как нам удалось у него дознаться, числился в извозе, справляя и на войне свою нехитрую крестьянскую работу: запрягал, распрягал, кормил-поил обозных лошадей, возил за батальоном всякую солдатскую поклажу: мешки с сухарями, концентраты, каптёрское имущество, патронные цинки.

– Медалей много навоевал? – интересовался Самоходка.

– Дак какие медали... – слабым, сдавленным голосом отзывался из своего склепа Копёшкин. – За езду рази дают...

– Это где ж тебя так разделало?

– Заблудился с обозом. Я говорю – туда надо ехать, а старшой – не туда. Поехали за старшим... Да и прямо на ихнюю батарею. Куда колёса, куда что... Обеих лошадей моих прибило. От самогo Сталинграда берёг: и бомбили, и чего только не было... А тут вот и получилась нескладно...

В последние дни Копёшкину стало худо. Несколько раз ему вливали свежую кровь, но всё равно что-то ломало его, жгло под гипсовым скафандром. Он и вовсе усох лицом, резко проступили заросшие ржавой щетиной скулы, обречь которые мешали бинты.

...Как-то раз на имя Копёшкина пришло письмо – голубенький косячок из тетрадной обёртки. Сестра поднесла конверт к его глазам, показала адрес.

– Из дому? – спросил Бородухов.

Подёрнутые температурным нагаром губы Копёшкина в ответ разошлись в тихой медленной улыбке.

– Вот и хорошо, вот и ладно.

Пацаны-то есть?

Копёшкин с трудом пригнул два непослушных жёлто-сизых пальца с приставшими крупинками гипса на волюсок, показывая остальные три.

– Трое, выходит? Тогда держись, держись, парень. Теперь домой недалеко.

Сестра Таня предложила прочитать ему письмо вслух, но он беспокойно шевельнул кистью.

– Сам хочет, сам, – догадался Самоходка.

– Жели может, дак пусть сам, – сказал Бородухов. – Своими-то глазами лучше.

Косячок развернули и вставили ему в руки.

Весь остаток дня листок проторчал в недвижных руках Копёшкина, будто вложенный в станок. С ним он и спал ночью. А может быть, и не спал... Лишь на следующее утро попросил перевернуть другой стороной и долго разглядывал обратный адрес, где крупными неловкими буквами, написанными послунявленным чернильным карандашом, было выведено: «Пензенская

область, Ломовский район, деревня Сухой Житень».

Перед маем из нашей палаты ушли сразу трое. Им выдали новенькие костыли, довольствие на дорогу и отравили по домам. Это тоже означало конец войне.

Те, кто остался, кто мог переползти по палате, перебрались на опустевшие койки у окон. Ушёл к окну сапёр Михай, родом из-под загадочного бессарабского городка Фалешты. Этот большой тихий тридцатилетний ребёнок вызывал у нас молчаливое сострадание. Он единственный в палате не носил гипсов: обе его руки были ампутированы выше локтей, и пустые рукава исподней рубахи ему подвязывали узлами. Часами лежал он, уткнувшись лицом в подушку, иногда беззвучно трясясь широкой спиной. Но потом успокоился. Случалось даже, что, сидя у окна, он тихо напевал что-то на своём языке, раскачивая могучее тело в такт песне. И всё глядел куда-то поверх домов, будто высматривал за горизонтом далёкую Молдову.

***

Рухнул, капитулировал наконец и сам Берлин! Но всё-таки не верилось, что это и есть конец.

И действительно, война всё ещё продолжалась. Она продолжалась и третьего мая, и пятого, и седьмого... Сколько же ещё?! Это ежеминутное ожидание конца взвинчивало всех до крайности. Даже раны в последние дни почему-то особенно донимали, будто на изломе погоды.

Так прошёл восьмой день мая и томительно тихий вечер.

А ночью по госпитальному коридору хрустко хрумкали сапоги. В гулкой коридорной пустоте всё отчётливей слышался сдержанный голос начальника госпиталя полковника Туранцева, или Деда, как называли его за узкую ассирийскую лопаточку бороды. Туранцева все побаивались, но и уважали: он был строг и даже суров, но считался хорошим хирургом и в тяжёлых случаях нередко сам брался за скальпель.

И вот этот самый Дед шёл по ночному госпитальному коридору. Мы слышали, как он вполголоса разговаривал со своим заместителем по хозяйственной части Звонарчуком. Его жёсткий, сухой бас, казалось, просверливал стены.

– Заколите кабана. Сделайте к обеду что-нибудь поинтереснее. Не жмитесь, не жалейте продуктов.

– Та я ж, Анатолий Сергеич, зо всей душой. Всэ, що трэба...

– Потом вот что... Хорошо бы к обе-ду вина. Как думаете?

– Цэ можно. У мэни рэктификату йе трохы.

– Нет, спирт не то. Крепковато. Да и буднично как-то... День! День-то какой, голубчик вы мой!

– Та яснэ ж дило...

Шаги и голоса отдалились. «Бу-бу-бу-бу...»

Минуту-другую мы прислушивались к невнятному разговору. Потом всё стихло. Но мы всё ещё оцепенело прислушивались к самой тишине. В ординаторской тягуче, будто в раздумье, часы отсчитали три удара. Три часа ночи... Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время... Что-то враз обожгло меня изнутри, гулками толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на виске.

...Едва только дождалась рассвета, все, кто был способен хоть как-то передвигаться, кто сумел раздобыть более или менее нестыдную одежду – пижамные штаны или какой-нибудь халатишко, а то и просто в одном исподнем белье, – повалили на улицу. Коридор гудел от стука и скрипа костылей. Нам было слышно, как госпитальный садик наполнялся бурливым гомоном людей, высыпающих из соседних домов и перелуков.

– Что там, Михай?

– Цветы несут... Обнимаются, вижу... Целуются, вижу...

Люди не могли наедине, в своих домах, пережить эту радость и потому, должно быть, устремились сюда, к госпиталу, к тем, кто имел отношение к войне и победе. Кто-то снизу заметил высунувшегося Михая, послышался девичий возглас: «Держите!» – и в квадрате окна мелькнул подобранный букет. Михай, забыв, что у него нет рук, протянул к цветам куцые предплечья, но не достал и лишь взмахнул в воздухе пустыми руками.

– Да миленькие ж вы мои-и-и! – навзрыд запричитала какая-то женщина, разглядевшая Михая. – Ох да страдалцы горемычные-и-и! Сколько кровушки вашей пролита-а-а...

И вдруг грянул неизвестно откуда взывающий оркестр:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой...

Ухавший барабан будто отсчитывал чью-то тяжёлую поступь:

Пусть ярость благородная

Вскипает, как волна...

Но вот сквозь чёткий выговор труб пробились отдельные людские голоса, потом мелодию подхватили другие, сначала неуверенно и нестройно, но постепенно приладились и, будто обрадовавшись, что песня настроилась, пошла, запели дружно, мощно, истово, выплескивая ещё оставшиеся запасы ярости и гнева. Высокий женский голос, где-то

на грани крика и плача, как острие, пронизывал хор:

Идёт война народна-йя-я...

...Перед обедом нам сменили бельё, побрили, потом, зареванная по случаю праздника, с распухшим носом, тётя Зина разносила янтарно-жёлтый суп из кабана.

– Кушайте, сыночки, кушайте, родненькие, – концом косынки она утирала мокрые морщинистые щёки. – Суп-то нынче добрый... Ох ты, Господи!

Слёзы опять выступили на её глазах, она торопливо утёрлась и тут же улынулась, просветлела лицом.

– Кушайте, кушайте, а я пойду котлеток принесу. Поправляйтесь на здоровье, уж теперь недолго осталось...

Дверь распахнулась от толчка сапогом, в палату грузно протиснулся начхоз Звонарчук с неузнаваемо обвисшими усами на широком потном лице.

– Погодьте, погодьте исты!

На вытянутых руках он нёс медный самоварный поднос с несколькими тёмно-красными стаканами.

– З победоу вас, товаришчи! – поздравил он усталым, по-детски тонким голоском. – Скільки вас у палати?

– Семеро осталось.

– Ага, точно... Тут вам вид имени администрации... Саенко, распорядьсь.

– Есть распорядиться! – Саенко с готовностью подпрыгнул к подносу и составил стаканы на Михаеву тумбочку. – Давайте с нами, товарищ начхоз. За Победу.

– Ни, хлопци. Нема часу.

Саенко осторожно, чтобы не пролить, не прыгая, как всегда, а вполча раненую ногу по полу, при полном молчании всех присутствующих, разнёс стаканы по тумбочкам. Лицо его при этом было озабоченным и строгим, а нижняя губа аскетически поджата. Да и правда, эти рубиново-красные, наполненные до краев стаканы воспринимались в нашей бесцветно-белой палате как нечто небывало-торжественное, обещали какое-то таинство. Минуту другую каждый молча созерцал свой стакан.

– Пусть сперва Михай, – сказал Бородухов.

– Верно, пусть он сперва. А то как же ему...

– Это само собой.

Бугаев взял Михаев стакан.

– Ты давай присядь, а то не дотянусь. Михай послушно сел на край койки, запрокинул голову.

Мы посмотрели, как Бугаев, наклоняя стакан, вылил вино в пенцово раскрытый рот молдаванина.

...Вино разбередило, ребята зашумели, заспорили, где жить лучше. Вмешались Саенко с Бугаевым, стали рассказывать о Сибири.

Оба были родом из-за Урала, только Саенко происходил из степных алтайских хохлов, а Бугаев – коренной

енисейский чалдон.

«Сколько разных мест на земле», – думал я, слушая разговоры. Лежали раненые и в других палатах, и у них тоже были где-то свои единственные родные города и деревни. Были они и у тех, кто уже никогда не вернётся домой... Каждый воевал, думая о своём обжитом уголке, привычном с детства, и выходило, что всякая пядь земли имела своего защитника. Потому и похоронные так широко разлетались, так густо усеяли русскую землю...

– Тише, ребята... – Бородухов первый заметил, как Копёшкин зашевелил пальцами. – Чего тебе, браток?

Мы насторожились.

– Пить?

Копёшкин отрицательно пошевелил кистью руки.

Припрыгал Саенко, наклонился над ним.

– Ты чего, друг?

Копёшкин что-то шепелявил сухими ломкими губами.

– Так, так... Ага, понял... – Саенко закивал и перевел нам:

– Говорит, у них тоже хорошо жить. Давай, давай, Копёшкин, расшевеливайся! Вот молодец! Ну-ка, расскажи, как там у вас... Это где ж такое? А-а, ясно... Пензяк ты. Ну, и что там у вас?

– Хорошо тоже... – разобрал я слабый, будто из-под земли, голос Копёшкина.

– Заладил: хорошо да хорошо... А что хорошего-то? Лес есть или речка какая?

Копёшкин пытался ещё что-то сказать о своих местах, но не смог, обессилел и только облизал непослушные губы. Мы помолчали, ожидая, что он отдышится, но Копёшкин так больше и не заговорил.

В палате воцарилась тишина.

...Я уже вторую неделю тренировал левую руку и, размышляя о копёшкинской земле, машинально чиркал карандашом по клочку бумаги. Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевёрнутый веник. Ничего больше не придумав, я потянулся и вложил эту неказистую картинку в руки Копёшкина. Тот, почувствовав прикосновение к пальцам, разлепил веки и долго с вниманием разглядывал рисунок.

Потом прошептал:

– Домок прибавь... У меня домок тут... На дереве...

Я понял, забрал листок, пририсовал над деревом скворечник и вернул картинку.

Копёшкин, одобряя, еле заметно закивал заострившимся носом.

Прислонённая к рукам Копёшкина, до самых сумерек простояла моя картинка, и я про себя радовался, что угодил ему, нарисовал нечто похожее на его родную избу. Мне казалось, что

Копёшкин тихо разглядывал рисунок, вспоминая всё, что было одному ему дорого в том далёком и неизвестном для остальных Сухом Житне.

Но Копёшкина уже не было...

Ушёл он незаметно, одиноко, должно быть, в тот час, когда садилось солнце и мы слушали негромкие Михаевы песни.

А может быть, и раньше, когда ребята стучали костяшками домино. Этого никто не знал.

...Вскоре неслышно вошла тётя Зина со строгим, отрешённым лицом, заново застелила койку и, сменив наволочку, ещё свежую, накрахмаленную, выданную сегодня перед обедом, принялась взбивать подушку.

– Ох ты, – проговорила нянька, подняла с пола оброненную санитарам картинку с копёшкинской избой и прислонила её к нетронутому стакану с вином. Картинка была моей вольной фантазией, но теперь нарисованная изба обратилась в единственную реальность, оставшуюся после Копёшкина. Я теперь и сам верил, что такая вот – серая, бревенчатая, с тремя окнами по фасаду, с деревом и скворечником перед калиткой, – такая и стоит она где-то там, на пензенской земле. В это самое время, в час сумерек, когда санитары укладывают Копёшкина в госпитальном морге, в окна его избы, должно быть, уже затеплился жидкий огонёк керосиновой лампы, завиднелись головёнки ребятишек, обступивших стол с вечерней похлёбкой. Топчется у стола жена Копёшкина (какая она? как зовут?), что-то подкладывает, подливает... Она теперь тоже знает о Победе, и все в доме – в молчаливом ожидании хозяина, который не убит, а только ранен, и, даст Бог, всё обойдётся...

Странно и грустно представлять себе людей, которых никогда не видел и наверняка никогда не увидишь, которые для тебя как бы не существуют, как не существуешь и ты для них...

Тишину нарушил Саенко. Он встал, допрыгал до нашей с Копёшкиным тумбочки и взял стакан.

– Зря-таки солдат не выпил напоследок, – сказал он раздумчиво, разглядывая стакан против сумеречного света в окне. – Что ж... Давайте помянем. Не повезло парню... Как хоть его звали?

– Иваном, – сказал Саха.

– Ну... прости-прощай, брат Иван. – Саенко плеснул немного из стакана на изголовье, на котором ещё только что лежал Копёшкин. Вино густо окрасило белую крахмальную наволочку. – Вечная тебе память...

Оставшееся в стакане вино он разнёс по койкам, и мы выпили по глотку.

Теперь оно показалось таинственно-тёмным, как кровь.

В вечернем небе снова вспыхивали праздничные ракеты.

«Войны нет! Войны нет!»

Начало на с. 1

Всё тихо. На улицах толпы ожидающих смотрят на молчащие репродукторы.

В этот вечер пришёл домой Шура. Он вошёл со словами: «Вся Москва говорит, что война кончилась!» Он разделся и лёг спать на свой сундучок. Лёг спать и Котик. Легла и Таня. Мама и Аня с Вовой тоже легли. Наступила тишина.

Через окна виднелись огни соседних домов. Теперь затемнение снято, и Москва сияет светом. Я не могла спать так же, как не могу вот сейчас. И вдруг – «Граждане! Сегодня, 9-го мая, радиопередачи будут производиться не до двух часов ночи, а до трёх часов тридцати минут».

Я вскочила. Вот оно! Сердце застучало, усталость соскочила. Я стала толкать Шуру и Котика. «Вставайте! Вставайте! Важное сообщение!»

Проснулась мама. Крикнула: «Вова, слышишь?» И из-за стенки ответ: «Слышу!»

Котик вскочил волчком. Проснулась Таня, села на кровати, бледная и вялая.

«Граждане! Говорит Москва! Акт о безоговорочной капитуляции Германии подписан в Берлине немецким командованием 8-го мая в 23 часа. Слушайте указ об установлении 9-го мая днём всеобщего праздника, днём Победы!»

И снова, и снова и ещё раз. Я обнимаю детей, целую маму. Одеваюсь, как на день. Дети сидят, говорят. Соседи стучат нам в стену. Мама стучит в ответ и кричит: «Слышим! Слышим!»

Победные марши. Музыка. За окном поднимается рассвет. Я не могу сдерживать слёз. «Мама, – говорит Шурик, – неприятно, что в такую минуту ты плачешь».

Ну, а что было потом? Потом наступил яркий, солнечный, хотя и прохлад-

ный день. Я, мама и дети, позавтракав, с утра ушли на Красную площадь.

Вся Москва была на улицах. Уже в 11 часов утра улицы кипели и шумели. Возникали стихийные демонстрации, слышались песни и смех, звуки музыки и крики «Ура!». Взрослые несли детей на плечах, в воздух летели шапки. Военных подхватывали и качали. Сияло солнце. Сверкали флаги.

Автомобили беспомощно останавливались, затёртые людьми. Из всех улиц лились потоки людей. Даже руку протянуть было некуда. Все громко говорили. Молодёжь пела. На Советской площади кверху бил фонтан, переливаясь всеми цветами радуги. К вечеру мы оказались на Красной площади. Вот и Кремлёвские башни, и рубиновые звёзды на них. Толпа стоит вплотную. Котика держу крепко. Наташа – Таню. На другой моей руке повисла мама. Ира поддерживает Марию Александровну.

Гул ликующей толпы. А перед нами, выхваченная из тьмы ночи белыми лучами прожекторов, Спасская башня и, как в лунном свете, храм Василия Блаженного. Незабываемая ночь! Незабываемая картина! И опять слёзы текут по моему лицу.

Золотая стрелка на чёрном циферблате подходит к десяти часам. Куранты бьют 10 раз, и могучий залп тысячи орудий сотрясает воздух, и бесчисленные, яркие ракеты летят в небо. Тридцать раз звучит салют победы, и небо сверкает золотыми, красными, зелёными и жёлтыми фейерверками.

Но вот небо светлеет. Сотни светлых, огромных полос цветных прожекторов превращают небо в гигантский, сверкающий, разноцветный купол. Он дрожит, переливается, сверкает. Орудия продолжают палить, фейерверки рвутся, и высоко в небе загорается

красный флаг, поднятый невидимым аэростатом.

Внизу переливается и гудит миллионная толпа. Мы спускаемся на площадь Революции. Стоят машины с английскими флагами, утонувшие в толпе.

Гаснет небо. И вот оно уже темно. Отгремели орудия. Но что это? По небу начинают кружиться самолёты, освещённые красными огнями, и оттуда, сверху, они бросают цветные ракеты и небо покрывается яркими, сияющими букетами. Самолёты всё кружатся, толпа бушует. Но сил уже нет!

А сегодня уже второй день. В душе моей пошёл росток чудного счастья. Войны нет! Сколько раз надо повторять эти слова, чтобы понять? Войны нет! Войны нет!

Мрак и смерть уходят с земли. И снова мирный труд воцарится на ней. Снова солнышко её обогреет. Заживут страшные раны.

И в Москве, и в Лондоне, и в Париже, и даже в Берлине тихо будут спать в колыбелях малютки. Муж обнимет жену, и юноша поцелует девушку, и старик выйдет на крылечко покурить свою трубочку.

В душе моей с каждой минутой расцветает волшебный, изумительный сад счастья.

Москва. 9 мая 1945 года

Он погиб в 1945-м...

Владимир Николаевич Орлин – младший брат моей мамы. Он родился в начале XX века, а умер в 1945-м – погиб под Кёнигсбергом в конце войны.

Семья моей мамы – некогда большая образованная русская семья. Зимой они жили в Москве, лето проводили в имении под Рязанью. Потом, после революции, в их «барском доме» сделали сельский клуб, а в бане – школу. Местное крестьянское население наших любило. Вплоть до 60-х годов прошлого века из-под Рязани приезжали люди – бывшие крестьяне, обращались к нашим с разными просьбами. Потому что знали: Орлины всегда постараются помочь. К советской жизни приспособивались с трудом. Часть семьи чуть не погибла в Крыму в 20-х годах, куда из-за астмы переехал жить дед перед Первой мировой. В Москве все они ходили молиться в храм Ильи Обыденного. Как было до 1917 года – не знаю. Семья была знакома со многими интересными людьми своего времени. Из церковных знали дочерей еп. Серафима (Чичагова), кажется, мама и тётя учились вместе с ними в гимназии.

Дядю Володю я видела последний раз до войны, мне тогда было лет восемь-девять, поэтому рассказать о нем вряд ли много смогу. В детстве дядя переболел каким-то заболеванием, которое дало осложнение на уши, и стал плохо слышать, тем не менее, он смог закончить одну из лучших частных гимназий Москвы. К жизни дядя Володя был не очень приспособлен. Он так и не женился, жил один в какой-то комнатухе. Когда началась война, ему было чуть больше сорока. На передовую его не взяли из-за глухоты, и всю войну он прослужил на полевой кухне. Думаю, он оказался там потому, что был очень добрым и честным человеком, не мог взять чужого. Начальство это устраивало. Когда наши войска стояли под Кёнигсбергом, дядя Володя не услышал сигнал к отступлению. Линия фронта качнулась, и формально он оказался на несколько часов на немецкой территории. Его за это судили и расстреляли. Это было в самом-самом конце войны. Наши тогда очень скорбели, что дядя Володя погиб.

Записано со слов Марины Николаевны Филипповой, матери Ольги Филипповой